

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

2.5

Призвание социологии

Зигмунд Бауман

Кто такая Изабела Барлинска?

Улица Сезам

Тамара Кей

Рио+20

Герберт Досена

- > Феминизм и неолиберализм
- > Украинский феминизм в действии
- > Незащищенность в Латинской Америке
- > Черный средний класс в Колумбии
- > Положение дел в российской социологии
- > Британская социология в эпоху экономического сдерживания
- > Конгресс в Йокогаме
- > Итальянские университеты на продажу
- > МСА в ООН: Преступление и справедливость
- > Фотоэссе: Смертельная ловушка для мигрантов
- > Редактор для электронного симпозиума?

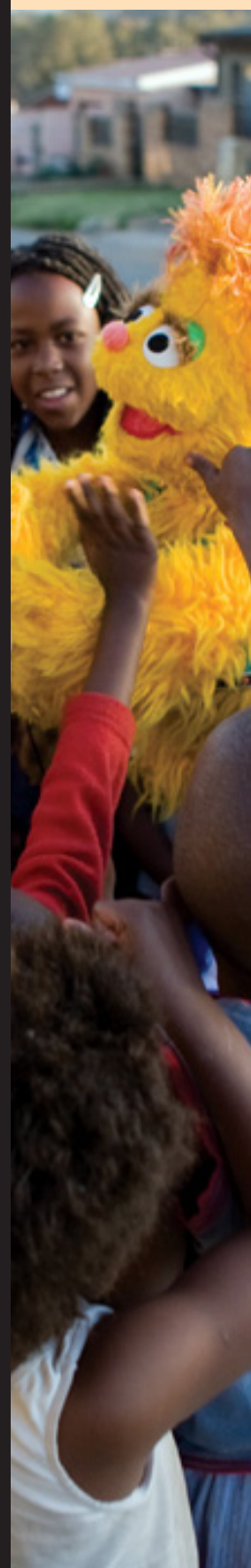
БЮЛЛЕТЕНЬ

ТОМ 2 / ВЫПУСК 5 / АВГУСТ 2012

ГДБ

International
Sociological
Association

> От редакции

Социология как призвание

Макс Вебер прочел свои вдохновенные и вдохновляющие лекции – «Наука как призвание» и «Политика как призвание» – в 1917 и 199 г. на встрече с мюнхенскими студентами. В этих лекциях он осмыслил весь свой жизненный опыт как ученого и политика, развивая таким образом социологию призвания, но не обсуждая прямо, в чем суть социологического призвания. Опираясь на наследие Вебера «Глобальный диалог» открывает новую рубрику: «Социология как призвание».

Мы открываем эту тему текстом Зигмунда Баумана, который не вполне согласен с жесткой границей, которую Вебер проводит между наукой и политикой. В противовес Веберу, Бауман считает, что в современном обществе наука очень легко становится политикой, которая приобретает форму управленческого разума в то время, как политика отделяется от власти. Бауман считает, что социология должна преодолеть границу между наукой и политикой, открывая двухсторонний диалог с публикой разного рода.

В этом номере мы представляем несколько примеров такого открытого диалога. Интервью с польским социологом Изабелой Барлинской посвящено редставляет гражданскому обществу периода «Солидарности», статья Тамары Кей рассказывает о политической и культурной адаптации в разных обществах телевизионного проекта «Улица Сезам»; Коичи Хасегава обсуждает роль японской социологии в развитии общественного обсуждения угрозы ядерной энергии. В течение длительного времени феминизм развивал публичный диалог, протестуя против маргинализации женщин и сексуальных меньшинств. В этом номере Тамара Марценюк описывает экспрессивную уличную политику украинского феминизма. И, наконец, Герберт Дочена, показывает, что диалог между активистами и представителями научного сообщества отсутствовал во время недавней конференции ООН по вопросам устойчивого развития (РИО+20). На этом форуме ученые настаивали на своей привилегированной нейтральности как основе доступа к власти – что является появлением того самого технократического разума, который критикует Бауман.

В нынешнее текучее время неопределенности и незащищенности нам особенно необходим диалог, - настаивает Бауман. Статьи в этом номере соответствуют этому запросу: углубление чувства незащищенности в Латинской Америке (Кесслер); последствия расизма для афро-колумбийцев (Вигойя); Усилия ООН по предотвращению насилия в отношении мигрантов (Барбарет); вовлеченность стран ООН в это насилие (Элчиоглы). Романовский и Тощенко обсуждают новую постсоветскую социологию, которая исследует постсоветскую экономическую незащищенность. И наконец, мы обсуждаем, как уязвимость - прекаритет – затопляет университеты во многих странах мира, захватывая как студентов, так и преподавателей – этот феномен анализирует в своей статье Корради на примере Италии. До тех пор, пока социологи документируют процессы незащищенности, а состояние незащищенности порождает протесты, надежда на лучшее будущее общества еще существует. Несмотря на пессимистические оценки будущего Германии после поражения в Первой Мировой войне, которое он описывал как «полярную ночь ледяной тьмы», Вебер все же завершает свойopus «Политика как призвание» на оптимистической ноте: чтобы достичь возможного, необходимо стремиться к невозможному. Стремление к невозможному как к достижимой цели является одной из благороднейшей задач социологии и ироничным образом способствует взаимопроникновению науки и политики. Таким образом, сегодня оказываются релевантными аргументы как Вебера, так и Баумана.

«Глобальный диалог» выходит пять раз в год на 14 языках. Он доступен на [официальном сайте MCA](#). Заявки присылать Майклу Буравому: burawoy@berkeley.edu

О социологическом призвании в эпоху текучей современности. В этой новой рубрике Зигмунд Бауман, классик теории современности, рассказывает что значит для него социология, каковы перспективы ее развития и чего она должна избегать.

Кто такая Изабела Барлинска? В этом интервью Изабела Барлинска рассказывает о первых годах своей работы в МСА, о том, как она была вынуждена покинуть Польшу в период преследования участников «Солидарности» и о своей дальнейшей судьбе

Образование детей на самой длинной улице в мире. Тамара Кей описывает процессы трансформации и культурной неготиации, в результате которых появилась детская образовательная программа «Улица Сезам», популярная во многих странах.

> Редакционный совет

Редактор:

Майкл Буравой

Исполнительные редакторы:

Лола Бусуттил, Август Бага

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженифер Платт, Роберт ван Крикен

Консультанты редакции:

Изабела Барлинска, Луи Шавель, Дилек Синдолу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондкер, Симон Маладименг, Ишвар Модии, Никита Покровский, Эмма Порито, Йошимичи Сато, Винеета Синха, Беньямин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова

Региональные редакторы:

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани

Бразилия:

Густаво Танигути, Хулиана Тонче, Педро Манчини, Фабио Сильва Цунода, Селия да Граса Аррибас, Андреса Гальи, Рената Баррето Претурлан

Колумбия:

Мария Хосе Альварес Ривадурья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо

Индия:

Ишвар Модии, Раджив Гупта, Рашми Джайн, Удай Сингх

Иран:

Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Сагхар Бозорги, Фатемех Могхаддаси, Наджмех Тахери

Япония:

Кадзухиса Нишихара, Мари Шибата, Косукэ Химэно, Томохиро Такамаи, Ютака Ивадэ, Кадзухиро Икэда, Ю Фукуда, Мичико Самбэ, Такако Сато, Сёхэй Огава, Томоюки Идэ, Юко Хотта, Юсуке Косака

Польша:

Миколай Мержеевский, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум, Камил Липински, Адам Муллер, Войцех Перхуч, Анна Пекутовска, Зофия Влодарчик

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Елена Никифорова, Ася Воронкова

Тайвань:

Чжинг-Мао Хо

Турция:

Айтул Касаполу, Нилай Чабук Кайя, Гюннур Эртонг, Йонджа Одабаш

Медиаконсультанты:

Анни Лин, Хосе Репера

> В этом номере

От редакции: Социология как призвание 2

О предназначении социологии в текущей современности
Зигмунд Бауман, Великобритания 4

Кто такая Изабела Барлинска?
Интервью с исполнительным секретарём МСА в Испании 6

> РАЗМЫШЛЯЯ О БУДУЩЕМ

Обучение детей на самой длинной улице мира
Тамара Кей, Гарвардский университет, США 10

Заявляя свою позицию: наука на конференции ООН "Рио+20"
Герберт Досена, Филиппины 12

> ФЕМИНИЗМ СЕГОДНЯ

Феминизм и неолиберализм
Сильвия Уолби, Великобритания 15

Украинский феминизм в действии
Тамара Марценюк, Украина 17

> СТРАТИФИКАЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Нарастающее чувство незащищённости в Латинской Америке
Габриэль Кесслер, Аргентина 19

Темнокожий средний класс в Колумбии
Мара Виверос Вигоя, Колумбия 21

> НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИИ

Принципиально иная точка зрения на состояние российской социологии
Н. В. Романовский и Ж. Т. Тощенко, Россия 23

Британская социология в эпоху экономического сдерживания
Джон Д. Бруэр, Великобритания 25

Конгресс в Йокогаме: мост к более равноправному миру
Коичи Хасегава, Япония 26

Итальянские университеты выставлены на продажу
Лаура Корради, Италия 28

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

МСА и ООН: преступность и уголовное правосудие
Розмари Барберет, США 30

Хотели бы вы редактировать электронный журнал eSymposium?
Дженнифер Платт, Великобритания 31

Фотоэссе: Смертельная ловушка для мигрантов
Эмине Фидан Элджигюлу, США 32

> О призвании социологии в обществе текучей современности

Зигмунд Бауман, Лидский университет, Великобритания

Зигмунда Баумана представляет Джон Брюэр, президент Британской социологической ассоциации, Лидс, 12 апреля 2012.

Зигмунд Бауман — культовый социолог современности. Он родился в 1925 году в польском городе Познань и многие годы являлся ревностным коммунистом. Будучи выдающимся социологом и преподавателем Варшавского университета, Бауман был вынужден покинуть Польшу в 1968 году в результате антисемитских чисток. В 1971 году он получил постоянную должность на факультете социологии Лидского университета, где преподаёт по сей день. В книгах, принесших ему славу в 1980–1990-х, Бауман разрабатывает критику современности как формы навязчивой рациональности, в экстремальном виде выражающейся в таких явлениях, как холокост или сталинизм, а в целом – в неспособности этой рациональности иметь дело с аутсайдерами. Одна из ключевых книг Баумана, «Законодатели и интерпретаторы» (Legislators and Interpreters), рассматривает проблемные жизненные ситуации, которыми оказываются связаны интеллектуалы, и то, как эти люди находят выход из модернистской рациональности. Если ранние книги Баумана представляли собой критику высокой современности, т. е. того, что он теперь называет «тяжёлой современностью» иерархий и предписаний, в последние десять лет он опубликовал ряд книг о «текучей современности», мире беспрецедентной неопределённости и ненадёжности. С каждым днём **Зигмунд Бауман** становится более продуктивным, мудрым и влиятельным социальным мыслителем, и мы попросили его открыть нашу новую колонку, посвящённую социологии как призванию.

Почти сто лет назад, в свою лучшую пору, «прочная современность» стремилась, так сказать, построить социальный порядок, свободный от случайностей и дисфункций, мучивших западное общество с тех пор, как потерпел крушение «старый режим» и на его обломках начала расцветать маниакальная, навязчивая и непреодолимая модернизация. В это время социология пришла в университетские кампусы, обещая обеспечить обслуживание управленческого разума, который предположительно нёс ответственность за установление социального порядка. Почти сто лет спустя научное сообщество, в котором прочно укоренилась социология, испытывает нажим и давление, прессинг и принуждение со стороны власти предержащих чтобы быть полезным для «мира бизнеса», который стал центром нового управленческого разума. Лозунги и аргументы социологов могли существенно меняться,

но стратегии и цели исследования и преподавания, внедряемые всепроникающим менеджментом, не менялись. В результате академическая социология имеет слабую мотивацию (если имеет вообще) следовать за меняющимся миром. А отказ от этого, как предупреждали нас Майкл Буравой и другие дальновидные и совестливые представители нашей профессии более десяти лет назад, может привести к тому, что социология потеряет связь с общественной жизнью и актуальность.

Способы и методы действия, которых обычно придерживаются в наших университетах, создают надёжный щит против требований изменения социологии, и он тем прочнее, чем более неотложны и настоятельно необходимы перемены. Вследствие устоявшихся процедур присвоения степеней, продвижения по карьерной лестнице, ротации персонала, самодовольства и

>>

самовоспроизводства социология может стагнировать и сохранять бесконечно существующую в наше время форму и стиль. В таком случае она забудет и о «меняющемся мире», и о том, что общественный спрос на воспроизведение формы и стиля, к которым социология уже привычна, исчезает и сходит на «нет». А это также значит, что социологи не смогут уследить за ростом запросов на кардинально другой вид услуг, которые социология могла бы оказывать, если бы пересмотрела форму и стиль, давным-давно скроенные по мерке управленческой или технологической ментальности, которая сейчас быстро уходит в прошлое. В нашем мире, который становится всё более дерегулированным, приватизированным и индивидуализированным, есть отчаянная необходимость в подобных услугах, но на сегодняшний день они предоставляются в скупом количестве. Причём они сводятся к тому, что Энтони Гидденс назвал «жизненной политикой» – к жизненным задачам мужчин и женщин, нагруженных всё увеличивающейся обязанностью «находить индивидуальные решения социальным обусловленным проблемам» — по словам Ульриха Бека, описавшего величайший вызов, бросаваемый «текуче-модерными» временами современным поколениям.

На протяжении более чем пятидесяти последних лет социология стремилась быть полезной для управленческого разума и боролась за то, чтобы стать наукой/технологией не-свободы – мастерской по разработке особых социальных установок. Эти установки должны как в теории, так и (что важнее) на практике разрешать вопрос, который Талькотт Парсонс называет «гоббсизмским», а именно: как убедить/принудить/обмануть/внушить что-либо человеческим существам, одарённым/проклятым двойственным даром свободной воли, чтобы сделать их нормативно управляемыми и заставить следовать рутинной манипулируемой, но всё же предсказуемой цепочке действий, изобретённой контролёрами и надзирателями за общественным порядком. Другая формулировка того же вопроса: как примирить свободную волю с желанием подчиняться воле других людей, тем самым активизируя тенденцию к «добровольному рабству», состоянию, описанному/предугаданному Ла Боззи на пороге современности, и поднимая её до уровня высшего принципа социальной организации. Если кратко – как заставить людей хотеть делать то, что они должны.

Нынешнее индивидуалистское общество волею судьбы поддерживается и стимулируется второй управленческой революцией, в общем и целом, заключающейся в том, что управляющие делегируют свои административные задачи управляемым. В этих условиях социология имеет вдохновляющую и побуждающую к действию возможность превратиться, разнообразия ради, в науку/технологию свободы, т. е. разработать пути и средства, с

помощью которых индивид по закону и *de jure* в текуще-модерное время может стать индивидом по собственному выбору и *de facto*. Или, если сослаться на призыв Джеффри Александера: будущее социологии, по крайней мере её ближайшее будущее, зависит от усилий по перевоплощению и восстановлению науки как культурной политики на службе человеческой свободы.

А как осуществить этот переход? Какой стратегии нужно следовать? Стратегия состоит в том, чтобы включиться в непрерывный диалог с «доксой» (“doxa”), или «знаниями актора» (которым социология, настроенная на старомодный управленческий разум, отказала в когнитивной ценности и вместо этого «разоблачала», «искореняла» и «исправляла» их). При этом необходимо соблюдать принципы, недавно предложенные Ричардом Сеннеттом в эссе о нынешнем значении «гуманизма» — заповеди неформальности, открытости и кооперации. Под «неформальностью» здесь понимается то, что правила диалога не заданы заранее, а проявляются в ходе диалога. «Открытость» означает, что никто не включается в диалог, будучи уверенным в своей правоте, с целью убеждения других (априори носителей ошибочных идей). «Кооперация» означает, что все участники диалога одновременно являются учителями и учениками, и нет ни победителей, ни проигравших... Ценой, которую придётся заплатить за пренебрежение этим советом, возможно, будет (общая) нерелевантность науки социологии.

Социология, как и всё остальное общество, динамику которого она призвана объяснить и понять, сейчас переживает, как недавно предположил Кит Тестер из Университета Халла, период «междущарствия». В это время старые способы действия ежедневно проявляют свою неадекватность, а новые и более эффективные способы, которые со временем могли бы заменить их, ещё даже не дошли до стадии планирования... Это время, когда может произойти всё что угодно или почти всё что угодно – но ничего невозможно предпринять с твёрдой уверенностью или даже с высокой вероятностью успеха. Я подозреваю, что предсказывать направление, куда мы движемся при этих условиях (а тем более результат, к которому мы придём), – дело безответственное и вводящее в заблуждение. В этих условиях мы не имеем возможности целенаправленно действовать для обнаружения источников текуще-модерных проблем, и в обществе не существует сил, которые могли бы предпринять подобный шаг.

Всё это, однако, не значит, что нужно прекратить всякие попытки. Напротив, это значит, что, не переставая пробовать, мы должны относиться к каждой последующей попытке как к ещё одной временной мере – ещё одному эксперименту, нуждающемуся в тщательной проверке, прежде чем его можно будет объявить «конечным пунктом», или «осуществлением» нашего призвания. ■

> Кто такая Изабела Барлинска?

Все в МСА знают имя Изабелы Барлински – и она знает практически всех! Эффективная и творческая, ответственная и преданная делу, спокойная и в то же время решительная, Изабела работает в МСА около 35 лет. Знаток многих языков – английского, французского, испанского, русского и родного польского, она занимает важную позицию в МСА, управляя делами Ассоциации из Мадридского офиса. С помощью компетентных ассистентов, Начо и Хуана, она занимается всем: от финансов до вопросов членства, от ведения протоколов встреч до курирования исследовательских комитетов, национальных ассоциаций, составления программ и организации наших многочисленных и все более сложных по формату встреч. Вице-президенты и президенты МСА полагаются на ее знания и мудрость. И все это делается скромно, тактично и с замечательной иронией.

Изабела стала исполнительным секретарем МСА в 1987 г., и под ее началом Ассоциация еще больше окрепла, расширив членство от 1200 до 5000 человек и включая 55

национальных ассоциаций и 55 исследовательских комитетов. Она начала свой путь в МСА будучи студенткой в Варшаве, позже переехала в Канаду, оттуда в Нидерланды и дальше в Испанию. В течение этого времени Изабела защитила диссертацию и опубликовала ее на испанском языке в виде книги с названием Гражданское общество в Польше и «Солидарность». По словам Изабелы, участие в польском оппозиционном движении научило ее хранить молчание во многих сложных ситуациях.

Майкл Буравой взял у Изабелы интервью 27 сентября 2011 г. в Мадриде. В этом выпуске мы публикуем первую часть интервью, описывающую ее отъезд из Польши и первые годы работы в МСА. Вторая часть интервью, посвященная работе секретариата МСА в мадридском офисе после того, как Изабела стала исполнительным секретарем Ассоциации, появится в следующем выпуске ГД.

Изабела Барлинска и Хуан Лежаррага, офис МСА, Комплутенс Университет, Мадрид

МБ: Изабела, как же так получилось, что Вы стали работать в МСА и взялись за такую интересную, но, несомненно, требующую больших усилий работу?

ИБ: Ну, это была просто одна из случайностей жизни. Все началось в 1977 г. с моей тети Магдалены Соколовски, которая тогда была членом Исполнительного комитета МСА. Я помню, дело было весной, потому что я сдавала экзамены в Варшавском университете. Она организовывала международную конференцию, позвонила мне и попросила помочь ей два-три дня. Ей нужна была девочка на побегушках – встретить людей в аэропорту, довести до отеля, разобраться с потерянными багажом – всякие такие вещи.

МБ: А почему она позвонила Вам?

ИБ: Потому что я знала русский и английский и была под рукой. Но у меня на следующий день был экзамен, и это было довольно сложно. Но папа сказал, что я должна помочь – кто ты такая, чтобы отказывать? Если Вам двадцать лет, Вы все еще слушаете родителей. И вот на следующий день я сидела в аэропорту. Напоминаю, это была Польша – коммунистическая Польша со всеми вытекающими последствиями, страна, где никто не говорил на иностранных языках. Ну и вот, я, как меня просили, ждала в аэропорту, пытаюсь готовиться к экзамену. А после у меня возникла взаимная симпатия с Куртом Йонассоном и Селин Сен-Пьер, которые в то время были исполнительными секретарями МСА, а секретариат находился в Монреале. И они сказали мне: «Слушай, следующим летом мы организуем Всемирный социологический конгресс в Упсале, в Швеции, и ожидаем много людей из Восточной Европы, особенно много русских. И поскольку мы тебя уже знаем, и ты говоришь по-русски и по-английски, то, может быть, тебе будет интересно поработать с нами?».

МБ: Должно быть, это было весьма заманчивое приглашение!

ИБ: Еще бы! Представьте, вам предлагают поработать месяц в Швеции? Я даже не раздумывала и ответила: «Да, я была бы счастлива поехать». И я поехала. Ульф Химмельstrand, которого позже на конгрессе выбрали президентом Ассоциации, встретил меня у парома. Я приехала из Польши самым дешевым путем – на пароме через Балтийское море. И провела месяц в Упсале, составляя программу. А потом во время недели конгресса меня посадили работать на стойке, которая называлась «Общие проблемы». Лучшего начала в МСА трудно было представить! Я ничего не знала про МСА, но, тем не менее, я была там, пытаюсь решить самые разнообразные проблемы: например, помочь бабушке, потерявшей свою внучку, которая, возможно, отправилась в Стокгольм... В общем, можно представить, что происходит за стойкой «Общие проблемы». Но, по-видимому, я достаточно хорошо справилась с задачей, потому что несколько лет спустя я получила письмо от Курта Йонассона и Селин

Сен-Пьер, в котором говорилось, что у них есть небольшие студенческие гранты для подготовки Всемирного социологического конгресса в Мехико в 1982 г. и они предлагают мне приехать в Монреаль в конце 1981 г. Конечно, я сказала – прекрасно! Полгода в Канаде со стипендией – кто бы отказался? Я подала заявление на паспорт, а в коммунистической стране, как Вы знаете, получить заграничный паспорт было нелегко. Но я его получила и была готова ехать.

МБ: Но это было время «Солидарности» – Польша была в смятении, так ведь?

ИБ: Да, «Солидарность» была частью моей жизни. Со школьных лет я была связана, вернее, даже вовлечена, в политическую оппозицию, благодаря своей учительнице истории в школе. Она приглашала нас к себе обсуждать происходящее, а также польскую и европейскую историю, что очень отличалось от официальной версии, которую нам преподавали в школе. И через нее и коллег по тому семинару я познакомилась с членами политической оппозиции, формирующейся в то время в Польше. И, попав туда однажды, я там и осталась.

И когда в 1980 г. начались забастовки, моей задачей было общение с иностранными журналистами, приезжающими в Польшу. Поэтому когда в Польше было введено военное положение – 13 декабря 1981 г. – у меня начались проблемы. Пришла полиция с обыском в поисках документов «Солидарности». Они забрали печатную машинку и заблокировали телефон, вероятно, из-за моих очень явных связей с зарубежными телекомпаниями и журналистами. Моя поездка в Канаду в декабре 1981 года, как и все остальное, оказалась в подвешенном состоянии. Однако вскоре польское правительство сделало вид, что жизнь вернулась в обычное русло, а у людей есть свобода. Разыгрывая политическую карту, они начали открывать границы.

Когда ввели военное положение, все должны были вернуть заграничные паспорта. И вдруг неожиданно в марте 1982 г. раздается звонок: «Ваш паспорт здесь, Вы не хотите его забрать?». И вот у меня уже на руках канадская виза, и все готово, но я не хотела ехать. У меня состоялся длинный разговор с лидерами оппозиционных кругов. И они сказали – ты должна поехать, потому что ты будешь полезней за границей, чем здесь, в Польше. И я поехала с тяжелым сердцем, т.к. я чувствовала, что я должна быть в Польше. Когда я приехала в Канаду, все думали, что я немедленно попрошу политического убежища. Но это было последнее, что я собиралась сделать. Это была моя борьба, мой паспорт – и вот я была здесь. Так я начала работать в секретариате МСА в Монреале, где все были так замечательно добры и гостеприимны. Там я подружилась с Жаком Дофны и Аленом Туреном,

>>>

которые в то время были вице-президентами МСА. Вообще-то я уже была знакома с Аленом Туреном со времени забастовок «Солидарности» в Польше. Это было началом моей жизни в МСА.

МБ: Но прежде, чем Вы уехали, у Вас была еще одна встреча с МСА, когда Ульф Химмельstrand приехал с визитом в Польшу.

ИБ: Ульф по поручению МСА приехал посмотреть, что происходит в Польше. Это было очень холодной зимой 1982 г. Везде в Варшаве были танки, все контролировала армия. Я встретила Ульфа в аэропорту, мы ходили по городу, встречались с разными социологами. Мы все тогда думали, что по итогам своего визита Ульф написал слишком корректный отчет, который будет приятно читать правительству. И только позже я поняла, что ему нужно было быть очень дипломатичным и осторожным, чтобы не подвергать опасности источники информации, в том числе и польских социологов.

МБ: Какова была позиция Исполнительного комитета МСА в то время в отношении холодной войны?

ИБ: Соблюдался принцип: осторожно сохранять баланс. И я думаю, все понимали, что если в Исполнительном комитете не будет никого из СССР, начнутся проблемы. В этом смысле, я думаю, выборы и состав Исполнительного комитета было вопросом политическим.

МБ: Итак, Вы поехали в Монреаль для подготовки Всемирного конгресса в Мехико в 1982 г. и после Мехико стали работать в МСА на постоянной основе?

ИБ: Да. На конгрессе в Мехико президентом был избран Фернандо Энрике Кардозо и было решено, что секретариат МСА переедет в Амстердам. Я поехала туда работать с новым исполнительным секретарем, социологом Феликсом Гейером. Мы провели в Амстердаме четыре года. В то время офис МСА постоянно мигрировал: его принимали и спонсировали разные университеты. И секретариат базировался в Амстердамском университете.

МБ: И в то время у Вас, кроме МСА, были другие занятия?

ИБ: Ну, мне нужно было как-то профессионально расти в своей новой ситуации, и я начала встречаться со всеми известными оппозиционерами, покинувшими Польшу, сначала в Северной Америке, потом в Амстердаме, который был, прежде всего, ближе к Польше, и начала писать свои заметки. Это было своего рода двойное существование, не всегда легкое, но интересное. То время стало революцией для моего поколения,

и мне в действительности очень повезло принять в этом участие. Это действительно так! Несмотря на все последствия. И посмотрите, что случилось – прошло тридцать лет, и вот мы все «свободные страны». Мы уничтожили систему.

МБ: Да. «Солидарность» стала началом конца. Но как Вы относились к той системе? Вы не попросили политического убежища - почему?

ИБ: Я и не собиралась просить убежища, потому что это могло повлечь неприятности для моей семьи. Но я много думала о том, как донести мои представления о политической ситуации в Польше людям, не знавшим, что такое коммунизм. Я настаивала на важности сопротивления – на признании правильности того, во что я была вовлечена, – но сама система не была полным банкротом... Да, некоторые аспекты функционирования режима были определенно неправильными. Но при всем при том я получила очень приличное среднее образование. Я не знала голода. Конечно, я выросла в варшавской семье среднего класса – мои родители работали, и у нас был приличный уровень жизни. Я обнаружила, что во многом была лучше образована и вообще лучше подготовлена, чем коллеги из «свободных стран». В Польше у школы, образования и знания был очень высокий престиж. Да, мы были заперты, но знали это и стремились изучать не только то, что нам преподавали, но и другую историю. Как я Вам рассказала, мне повезло, у меня была прекрасная учительница истории. Она изменила мою жизнь. И мы всегда прислушивались к тому, что происходило в мире. Мы читали книги, нелегально привезенные с Запада. Мы проводили ночи за чтением, потому что на следующий день надо было отдать книгу другому. Это было общей практикой.

МБ: Эти истории Вы рассказывали людям, пытаетесь объяснить, что значило жить в Польше. А что Вы думали о самой «Солидарности»?

ИБ: Я была очень воодушевлена ее деятельностью. Позже я стала относиться более критично. Но это было силой, которую нельзя было остановить. С введением военного положения «Солидарность» была официально расформирована и ушла в подполье, но и там продолжила свое существование. Это были особые годы, когда люди стали организовываться по-новому. Стояние в очереди за молоком стало частью гражданского общества. Люди организовывались, чтобы выжить, или с чем-то бороться, или обойти систему, делавшую их жизнь невозможной. Это было очень особенное чувство единения.

МБ: Да. И церковь тоже играла очень важную роль.

ИБ: Католическая церковь действовала как прикрытие

>>

для разных типов оппозиции. Она помогала, когда было введено военное положение и многие наши коллеги оказались надолго за решеткой, а их жены с детьми остались одни. В магазинах было пусто. Телефоны не работали. Трамваи не ходили. Мы все были парализованы. Много проблем тогда было.

МБ: Вы рассматривали эти вопросы в диссертации, которая потом вышла на испанском языке в виде монографии «Гражданское общество в Польше и «Солидарность»», так ведь?

ИБ: Да, я действительно писала о «Солидарности» и гражданском обществе в диссертации, но, конечно, менее лично. Моя диссертация была не столько о «Солидарности» как общественном движении, потому что многие об этом писали, но о том, как была организована повседневная жизнь – как люди в стране жили изо дня в день. Там были главы об оппозиции, и о том, как люди организовывали вторую экономику, меняя сахар на фасоль и тому подобное. Мой руководитель здесь в Университете Комплутенс в Мадриде, Виктор Перес-Диас, настоял на том, чтобы я написала главу об истории протестов в Польше, чтобы не-польским читателям был понятен политико-культурный контекст.

МБ: А что Вы можете сказать о польской оппозиции при коммунизме?

ИБ: Ранняя польская оппозиция никогда не оспаривала коммунизм; эти люди пытались изменить режим, изменить систему, стараясь ее улучшить – они хотели построить «коммунизм с человеческим лицом», как они это называли.

МБ: Но это было в начале, в 1950-е. Вы думаете, «Солидарность» была такой же?

ИБ: В чем-то – да; если Вы посмотрите на самые ранние декларации «Солидарности», то увидите, что они действительно включали требования организации свободных профсоюзов, но это было самым политическим из всех требований. Все остальные были о том, чтобы сделать коммунизм пригодным для жизни, со стабильными ценами, лучшими условиями труда и тому подобное. Никто в действительности не оспаривал систему. Мы просто хотели улучшить условия жизни с ней.

МБ: Но прежде, чем уехать в Мадрид, в Амстердаме в 1982-86 гг, Вы были контактным лицом оппозиции, через Вас проезжало много людей, оставлявших подпольные публикации, информирующих о том, что происходит?

ИБ: Да, правда. В моем доме всегда было дополнительное спальное место для таких посетителей. Моя семья была связана с журналистами, и они часто останавливались у меня. Так я познакомилась и с Рышардом Капуцинским.

МБ: Вы имеете в виду знаменитого Рышарда Капуцинского? Вы были знакомы с ним? Он, наверное, был удивительным человеком, судя по тому, что он написал – его книги по Ирану, Эфиопии и России все просто блестящи!

ИБ: Вообще-то то, как мы познакомились, было довольно смешно. Это было, когда он приехал в Амстердам представлять одну из своих книг. Он вез мне посылку от семьи. Я тогда жила в мансарде одного из типичных, очень узких амстердамских домов с крутыми лестницами. Капуцинский вскарабкался вверх, таща кучу книг для меня – большинство – подпольная литература. Он вошел в дом и сразу сказал: «О, мне нужно лечь!» У него были проблемы с поясницей, и после этой лестницы, и этих книг, она у него страшно болела. И знаменитый Капуцинский, с которым я никогда раньше не встречалась, лежал неподвижно на полу моей квартиры следующие пять часов. Он не мог пошевелиться! Так мы стали друзьями.

МБ: То есть он никогда надолго не выезжал из Польши, кроме как в свои журналистские поездки?

ИБ: Да, он был всегда в Польше. И конечно, мы говорили и говорили. В то время я не очень понимала, что мне делать дальше, как жить. И он тогда сказал мне: «Смотри, 98 процентов людей в мире счастливы тем, что у них спокойная и организованная жизнь. Но есть еще два процента, которые задают себе те же вопросы, что и ты». И это было все, что он сказал. А потом добавил: «И продолжать задавать эти вопросы – их обязанность». ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

> Обучение детей на самой длинной улице мира

Тамара Кей, Гарвардский университет, США

Дети из ЮАР играют с Ками, мохнатой оранжевой куклой, изображающей пятилетнюю ВИЧ-позитивную девочку, осиротевшую из-за СПИДа. ©2007 Sesame Workshop. Все права защищены. Фото Р. Хеффермана. См. видеоклипы "Улицы Сезам" в разных странах : <http://www.sesameworkshop.org/>

В городской трущобе в Индии дети толпятся вокруг старого овощного лотка, в который вставлен телевизор и DVD-плеер. Они зачарованно смотрят на персонажей, поющих о букве «ма» на хинди. В Танзании дети слушают радиопрограмму, которая учит их, как обращаться с прикроватной москитной сеткой, чтобы предотвратить заражение малярией. А в Южной Африке, где, согласно статистике, 1 из 10 детей потерял одного из родителей из-за ВИЧ/СПИДа, телевизионная программа помогает дестигматизировать болезнь и

справиться с утратой. У всех этих детей есть как минимум две общие характеристики: во-первых, они будут значительно отставать от более привилегированных детей, когда (и если) пойдут в школу, и, во-вторых, им представлена местная версия программы «Улицы Сезам», чтобы смягчить неблагоприятные условия, в которых они живут.

Популярность и успех «Улицы Сезам» в условиях исключительной политизации культуры в эпоху глобализации представляют собой

две взаимосвязанные загадки: каким образом легендарный американский культурный продукт перемещается по транснациональным каналам и каким образом он завоевывает местное признание и легитимность как что-то истинное, аутентичное, локальное.

Образовательная некоммерческая организация «Мастерская Сезам» дает нам уникальную возможность найти ответы на эти вопросы. «Мастерская» адаптирует программу вместе с локальными представителями самых разных

>>

уголков планеты. Цель программы – подготовить детей дошкольного возраста к школе. «Мастерская Сезам» разрабатывает целевые проекты, сотрудничая с местными партнерами – правительствами, гражданским обществом, некоммерческими организациями. В качестве приоритетных задач рассматриваются «Цели развития тысячелетия» ООН, такие как достижение грамотности и обеспечение здоровья населения (включая предотвращение малярии в Танзании, иммунизацию в Индии, обеспечение здоровья сердечно-сосудистой системы и борьбу с голодом в Латинской Америке, дестигматизацию ВИЧ/СПИДа в Южной Африке, содействие религиозной и этнической толерантности в зонах конфликта, таких как Израиль/Палестина, Косово, Южная Африка, Северная Ирландия, в ряде многих других). Эти целевые проекты принимают форму мобильных стоматологических клиник, школьных проектов, социальной рекламы, распространения бесплатных материалов (книг, образовательных игр, DVD-дисков, гидов для родителей, которые способствуют достижению программных целей местного сообщества, в особенности на тех территориях, где у детей нет доступа к радио и телевидению.

Исследования, проведенные с использованием глубинных интервью и этнографического метода в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке, показывают, что проекты «Сезам» завоевывают признание на местах, несмотря на потенциально спорные вопросы, такие как: гендерное равенство, взаимное уважение между этническими и расовыми «другими» и пр. Этот успех в большой степени достигнут благодаря тому, что «Мастерская Сезам» структурирует свои отношения с местными партнерами и договаривается с ними о выходе на местное телевидение и радио. Модель совместного производства уникальна среди организаций, занятых транснациональной работой, так как она основана на создании местной команды экспертов, выбирающей темы и программу целевых проектов. Хотя партнеры и подвергаются ограничениям и надзору, у них все же есть огромная свобода в создании проектов. Случай «Мастерской Сезам», таким образом, демонстрирует значимость часто незримых переговоров, которые способствуют процессам гибридизации и, в конце концов, культурной диффузии.

В Косово переговоры о запуске программы заставили «Мастерскую Сезам» пересмотреть свой ключевой принцип – использование алфавита для обучения грамотности. Албанцы

и сербы не смогли принять решение по поводу используемого в программе алфавита (латиницы или кириллицы). Кроме того, партнеры отказывались снимать сцены, в которых дети из разных этнических групп играли бы вместе, так как родители не разрешили бы своим детям смотреть этнически интегрированную программу. Хотя такая проблема могла бы вовсе уничтожить проект, «Мастерская Сезам» и ее местные партнеры смогли договориться об инновационном решении: они разработали «визуальный словарь». В рамках этого метода игрового обучения дети держали в руках материальные объекты, например, очки, и произносили соответствующие слова на разных языках.

Условия запуска программы были важны и для палестинцев, которые в 1994 году изначально отказались от участия в совместном производстве с израильтянами. Они опасались, что высококачественная версия «Улицы Сезам» уничтожит идентичность новой и слабой палестинской телевизионной редакции, а совместная работа с израильтянами и американцами превратит их в мишень для консервативной критики. Ключевые члены команды, однако, рассматривали ситуацию как возможность построить местную медиа-инфраструктуру и тренировать молодых палестинцев. Они сделали запрос о том, чтобы значительная часть финансирования была перемещена с производства на тренинги. Решение палестинцев об участии в программе, таким образом, зависело от их способности договориться о приоритетах.

Переговоры о содержании совместной продукции, ее способность находить отклик у местного населения и фокусироваться именно на локальных потребностях были критически важными для бангладешских и южноафриканских партнеров «Мастерской Сезам». Первые выразили энтузиазм по поводу использования в программе марионеток, потому что в культуре Бангладеш сильна традиция кукольных представлений. Бангладешская команда приняла решение создать свои собственные марионетки (включая таких персонажей, как бенгальский тигр и шакал), а также включить в *Сисимпур* традиционных бангладешских кукол, сплетенных из прутьев. «Мастерская Сезам» и местная команда договорились о том, как эти куклы будут использованы в программе. Зрители переносятся в воображаемый мир марионетки по имени Икри, где живут традиционные куклы, сплетенные из прутьев, и где истории их жизни рассказываются в песенной форме. Южноафриканцы, участвуя во втором сезоне *Талакани Сезам*, фокусировали внимание программы и целевых проектов на проблеме ВИЧ/СПИДа в стране. Несмотря на изначальные опасения, «Мастерская Сезам» разработала вместе с южноафриканцами специальную

образовательную ВИЧ/СПИД-программу и придумала ВИЧ-положительного персонажа по имени Ками.

Эмпирические данные показывают, что модель «Мастерской Сезам» оказывает положительное влияние на результативность проектов. Наблюдается рост успешности совместной продукции и целевых проектов. Исследования контрольных групп показывают, что бангладешские дети, смотревшие *Сисимпур*, на 67% лучше сдавали тесты на грамотность, чем дети, не смотревшие программу. В Египте четырехлетние зрители *Алам Симсим* сдавали тесты по математике и грамотности на том же уровне, что и пятилетние дети, которые смотрели ее эпизодически или не смотрели вообще. Эмпирические данные также указывают на то, что адаптированные к местной проблематике версии программы повышают ее легитимность и эффективность. «Мастерская Сезам» заказывает независимые исследования не только для того, чтобы получить представление об образовательном эффекте совместной продукции, но и для того, чтобы оценить, рассматриваются ли результаты работы как релевантные для местной проблематики (в основном это так). Через 18 месяцев после премьеры программы *Алам Симсим* в Египте в 2000 году о ней уже знали 98% аудитории египетского телевидения, и теперь программа так же популярна, как и ее американская версия. В Индии 5200 государственных детских садов интегрировали *Галли Галли Сим Сим* в свои воспитательные программы. «Улица Сезам» – наверное, самый распространенный инструмент детского образования в мире.

Теория переговоров как ключевого механизма культурной диффузии представляет собой новый убедительный подход для понимания факторов, которые препятствуют или противодействуют распространению продуктов культурной глобализации. Более того, эта теория предполагает, что в современную эпоху, когда транснациональные организации и их культурные продукты быстро распространяются по всему свету, удачные проекты по развитию и культурные гибриды, приемлемые в локальном контексте, появляются в результате создания более равноправных связей между транснациональными организациями. Хотя процессы культурной диффузии могут принимать форму господства западных моделей, случай «Мастерской Сезам» показывает, что принимающая сторона обладает собственными целями, механизмами и автономией, а культура становится объектом переговоров на самой длинной улице в мире. ■

> Заявляя свою ПОЗИЦИЮ: наука на конференции ООН “Рио+20”

Герберт Досена, Университет Калифорнии, Беркли, США¹

Одна из скульптур, участвовавших в протесте “Народного саммита” против конференции ООН по устойчивому развитию “Рио+20”, прошедшем в центре Рио-де-Жанейро 20 июня 2012 года. Фото: Герберт Досена.

Конференции ООН становятся все более массовыми с каждым годом, привлекая тысячи правительственных чиновников, активистов, бизнесменов, а также известных личностей. На июньской Конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро, которую назвали самой крупной конференцией ООН в истории, еще одна группа боролась за то, чтобы ее присутствие ощущалось, и голос был услышан. Я говорю о представителях науки.

Директора предприятий проводили свой «бизнес-день» на встречах в отеле, активисты устроили «Народный саммит» в парке, а ученые организовали свое собственное пространство, параллельное официальному саммиту. Им стал «Форум по науке, технологии и инновациям», состоявшийся в Католическом университете недалеко от Ипанамы. Однако, в отличие от «сторонних встреч» бизнесменов и активистов, в этом случае изначально не было ясно, каков характер конференции и цели ее участников. На мой взгляд, Форум может служить индикатором того, каким образом научное сообщество позиционирует себя в отношении других акторов, пытающихся преодолеть экологический кризис.

> Какого рода научная конференция?

Несмотря на то, что на Конференции

>>

были представлены многочисленные современные открытия в различных областях науки, Форум не был организован как событие научного мира. На нем присутствовало недостаточное количество специалистов, поэтому не было возможности полноценно обсудить представленные научные открытия.

Участниками Форума в большинстве своем были чиновники, члены главного организующего органа, Международного Совета по Науке (ICSU), научные бюрократы из других «партнерских» организаций, таких как международные научные агентства (например, ЮНЕСКО), научные НКО (например, Международный Совет по Социальным Наукам – ISSC – делегатом которого являлся я). Также присутствовали несколько практикующих ученых из различных дисциплин, а также представители правительств и бизнеса, включая вице-президента Dow Chemical и генерального директора компании BlackBerry.

Если считать, что целью Форума являлось установление более глубоких связей между дисциплинами, то было выделено недостаточно времени на заинтересованное взаимодействие между участниками. В течение пяти дней зрители должны были отсиживать панель за панелью, насчитывающую по семь или восемь докладчиков, каждый из которых со сцены говорил со зрителями в течение двух часов. Лишь последние 10-15 минут были отведены для краткой сессии вопросов и ответов.

На Форуме неоднократно возникали поводы для дебатов, которые далеко не всегда подхватывались аудиторией. Один из них возник, когда исследовательница-географ выразила облегчение по поводу того, что она не является экологическим экономистом, задача которого делать «героические» предположения по поводу цены жизни или ценности леса. Таким образом, она коснулась одной из непрекращающихся дискуссий в социальных науках и напомнила о недовольстве, которое ощущают географы в связи с разницей в статусе между ними и более влиятельными представителями экономической науки. Другой эпизод, связан с выступлением инженера, который мимоходом отметил, что роль социальных исследователей заключается в том, чтобы устанавливать «культурную приемлемость» решений, принятых инженерами, и таким образом затронул болезненную тему разделения труда между представителями естественных и общественных наук. Один за другим ораторы на Форуме называли физиков,

химиков и инженеров представителями естественных наук – как будто ученые, занимающиеся общественными науками, не имеют отношения к природе – или то, что они изучают, является неестественным. Идея Дюркгейма о том, что общество – это «самый могучий ансамбль физических и моральных сил, которые мы можем наблюдать в природе», кажется, не нашла признания за пределами социологии.

Эти трения между дисциплинами, выявляя резкие расхождения в мировоззрении, чаще всего проявляли невидимые проблемы неравного распределения власти и влияния в академическом мире. Подобные ситуации указали на широкий спектр тем, которые могли бы быть развиты с помощью глубоких содержательных диалогов, уместных на такой редкой (и затратной) междисциплинарной конференции, какой являлся Форум.

> В поиске партнеров в бизнесе и правительстве

Выступления и комментарии организаторов и многих докладчиков показали, что Конференция, возможно, и не ставила перед собой цель помочь ученым преодолеть взаимное непонимание. Действительно, скорее всего, практикующие ученые вовсе не были ключевой аудиторией Форума.

В течение всей недели многие (хотя и не все) докладчики адресовали свои выступления в основном двум типам акторов – некоторые из которых присутствовали в аудитории – чиновникам, представителям правительств (или международных организаций) и представителям мира бизнеса. Один за другим выступающие начинали свои доклады с критики ситуации, при которой между учеными и «заинтересованными кругами» зияет пропасть, которая якобы объясняется недостаточным интересом и недостаточной поддержкой исследовательских инициатив со стороны рынков и государства. После этого все как один призывали к преодолению разрыва через формирование более близких «партнерских» отношений между учеными и теми, кто «принимает решения».

Представители науки приглашали спонсоров, бизнесменов и высокопоставленных политиков заняться «совместной разработкой» и «совместным производством» исследований для того, чтобы расширить их «право собственности» на результаты. Были также упомянуты «другие секторы гражданского общества», однако немногие из представителей НКО были приглашены на Конференцию. В обмен на более широкую «поддержку» ученые предложили политикам и представителям бизнеса те знания,

которые необходимы им для понимания «глобальных изменений окружающей среды» и для того, чтобы «управлять» «социальными трансформациями», необходимыми для «устойчивого развития». Предлагались также все новые концепции и новые методы измерения различных аспектов нового объекта, который сами ученые в настоящий момент пытаются сконструировать – так называемой «зеленой экономики».

Прозвучало немало критических замечаний. Делегаты Форума поставили под сомнение технократические пристрастия представителей естественных наук, находящихся в аудитории. Они настаивали на исторических и системных корнях современного кризиса окружающей среды. Как минимум один выступающий призвал к более сильному альянсу с общественными движениями и коренным населением, борющимся с нефтяными компаниями за то, чтобы «оставить нефть в недрах», как это происходит в Эквадоре.

По большей части конференция осталась диалогом между государством, бизнесом и наукой, основанном на старом технократическом и управленческом подходе, согласно которому проблема состоит в том, что в настоящее время те, кто принимает решения, не обладают достаточными знаниями для этого, и если ученые обеспечат их адекватным знанием, все будет хорошо. Дегradация окружающей среды объясняется недостатком знаний, а не структурами власти и системным давлением. Позитивные изменения наступят благодаря хорошему администрированию сверху, а не через сопротивление снизу.

Одна из инициатив, которая, на мой взгляд, является воплощением такой установки и которая получила максимальную поддержку на конференции – это проект ICSU «Будущая Земля», амбициозная десятилетняя инициатива, которая ставит перед собой задачу мобилизовать тысячи ученых, чтобы «представить знания, необходимые для того, чтобы общества смогли достичь цели устойчивого развития». Поддерживаемая некоторыми крупнейшими мировыми спонсорами науки, эта инициатива была названа единственной в своем роде, «одним из уникальнейших партнерств» современного мира. В ответ на презентацию проекта генеральный директор компании BlackBerry отметил необходимость развивать «науку, применимую на практике», а затем предостерег ученых, рассказав о рисках, представляемых идеологической интервенцией в производство знаний.

Несмотря на некоторое количество

>>>

Участники Народного саммита на площади Плаза Флориано в исторической части Рио-де-Жанейро в сорока километрах от места прохождения официального саммита. Фото Герберта Досены.

критических замечаний, содержание и структура программы, в особенности повторяющиеся призывы к «партнерству» науки с бизнесом и правительством, создали впечатление о конференции как о глянцево, хорошо отрепетированном предложении о сделке. Это предложение исходит от бюрократов научного мира и ученых, жаждущих получить долю огромных и все растущих финансовых средств, которые правительства и бизнес начали вкладывать в проекты социальной геоинженерии, нацеленные на «адаптацию» к экологическому кризису и его «администрирование».

> Незаданные вопросы

Активный поиск выгодных партнеров не обязательно означает, что бюрократы и ученые, которые организовали конференцию, являются жадными исследователями-наймитами. Возможно, они сознательно или бессознательно разделяют со своими потенциальными «партнерами» ответы на следующие фундаментальные вопросы, которые эта конференция могла бы подробно обсудить, но не обсудила. Обозначим некоторые из них.

Должны ли мы в действительности рассматривать природу как поставщика «услуг экосистемы» - и должны ли мы указывать цену на эти «услуги»?

В другом месте, на официальном саммите в Рио, где представители развивающихся стран, поддержанные многими активистами, противились самому использованию термина «услуги экосистемы» в тексте финальной декларации, активно продвигаемому США и другими развитыми странами. Они

опасались, что такая формулировка может еще больше углубить «финансиализацию» природы. Однако на Форуме, о котором я Вам рассказываю, ученые постоянно некритически использовали термин «услуги экосистемы». Иногда им задавались вопросы о правомерности использования термина. Ответ одного географа (одного из главных сторонников «Земли Будущего») состоял в общих чертах в следующем: прочитайте последнее издание журнала Nature, там представлено, как этот вопрос решен в научном мире.

Возможно ли в действительности примирить бесконечный экономический рост с защитой окружающей среды, как утверждают сторонники «устойчивого развития» и сегодняшней «зеленой экономики»?

На другом мероприятии - Народном Саммите, происходившем в это время в Рио - бесконечный рост считается антитезисом устойчивости. Подобным образом «зеленая экономика» широко обличается как «зеленый капитализм», как попытка избежать структурных изменений, необходимых для настоящего сохранения природы. Но здесь, на этой конференции ученые хвалились своим опытом именно для того, чтобы помочь правительствам и бизнесу попытаться сделать невозможное возможным.

Кто, если вспомнить проблемы в международных переговорах об окружающей среде, на самом деле несет ответственность за экологические кризисы и каким образом мы должны с ними обращаться?

В другом месте в Рио многие отмечали, что виновны в кризисе, прежде всего,

транснациональные корпорации и правительства богатых стран, т.е. те, кого один из социологов назвал «властными элитами». На Народном Саммите их, что неудивительно, называли «преступниками» и «убийцами». Но здесь, на научной конференции, они были «партнерами», которых надо было соблазнять и ублажать как «коллега-дизайнеров» и «коллега-продюсеров» научных исследований. «Мы не должны смотреть на властную элиту как на врагов», заявил один антрополог. «Это не конструктивно... Я не думаю, что настало время политических изменений. Нам нужно взаимодействовать с ними. Другого пути нет».

> Сила нейтралитета

В поисках «партнеров» в лице правительств и бизнеса ученые постоянно использовали один товар - который якобы являлся дефицитом в Рио: свою предполагаемую «нейтральность», незаинтересованность, отстраненность. Они бравировали, быть может, несознательно, своим предполагаемым нейтралитетом каждый раз, когда призывали к заключению «нового контракта между наукой и обществом» (как будто мы - представители академического сообщества - стоим отдельно от общества или над ним). Когда представители науки лоббировали более тесные связи с «заинтересованными» или с «принимающими решения» акторами, они говорили так, будто за их словами не стоит никаких интересов и мы не участвуем в принятии решений уже лишь тем, что определенным образом формулируем и конструируем проблемы и ответы на поставленные вопросы. Или когда ученые настаивали на том, что их открытия должны быть всего лишь «политически релевантными», а не «диктующими политические решения» (как будто бы мы не приписываем ничего тогда, когда ограничиваем релевантные политические меры теми, которые предполагают, что нет никакого другого пути, кроме как «зеленая экономика»)

И все же, несмотря на повторявшиеся заявления о своей нейтральности, в этом вопросе ученые заняли определенную позицию и выразили ее. ■

¹ Герберт Досена получил студенческий членский билет Международного совета по социальным наукам (ISSC) для участия в конференции ООН «Рио+20». Он очень благодарен за это.

> Неопределённые итоги: феминизм и неолиберализм

Сильвия Уолби, Ланкастерский университет, Великобритания, бывший председатель Комитета МСА по исследованиям экономики и общества (RC02)

Семьи с детьми в банке RBS/NatWest в Кэмдене протестуют против финансовой политики, участвуя в кампании Uncut's "Big Society Bail-Ins". Они выступают против сокращения кредитования и в особенности его эффекта в отношении женщин. Лондон, 26 февраля 2011 г.

На повестке дня стоит спорный вопрос о последствиях финансового кризиса. Является ли кризис (2007-2012) возможностью для коренной перестройки экономики и общества в левом (социал-демократическом или социалистическом) или в правом (неолиберальном или фашистском) направлении? В данной статье утверждается, что гендер находится в центре этих процессов и задействованных в них структур, а также то, что неолиберальный проект и правительственные программы имеет выраженное гендерное измерение.

> Источники неолиберализма

В то время как развитие финансового капитала является глобальным процессом, между национальными общественными формациями до сих пор существуют значительные

различия. Такая ситуация позволяет рассмотреть разные последствия разворачивающегося кризиса, в зависимости от расклада различных политических сил гражданского общества, действий разных государств и других политических акторов.

Сегодняшнее проявление кризиса в европейском контексте (и в других регионах) – сильное давление на национальные правительства в сторону сокращения государственных расходов. Дефицит бюджета и накопленные долги являются свидетельствами нестабильности. Существуют различные интерпретации этого давления.

Во-первых, источником бюджетного дефицита и долгов считаются слишком большие расходы на социальное обеспечение. Следовательно, сокращение расходов рассматривается как способ оздоровления экономики.

Однако это объяснение оказывается несостоятельным, поскольку дефицит является результатом внезапных уменьшений налоговых поступлений в период рецессии после финансового кризиса, усугубленной перебрасыванием имеющихся средств на спасение банков и поддержку людей, оставшихся без работы.

Согласно второй интерпретации, проблемы вызваны принятием евро в качестве единой валюты Европейского Союза, вследствие чего отдельные страны не могут автономно корректировать курсы своих валют. В качестве «решения» предлагается провести конкурентную девальвацию, что является своего рода протекционизмом, дискредитированным еще в 1930-х (и уже примененным в Великобритании, которая остается вне зоны евро и даже враждебной к нему).

Третье объяснение финансового кризиса описывает его как неизбежное следствие капитализма. Существующий режим накопления исчерпал себя, оставив будущее либо за варварством, либо за социализмом (Харви), а может быть, вскоре нас ждет переход к новому гегемонному порядку (Арриги). Однако это объяснение слишком широко и не учитывает специфику политических и общественных контекстов.

Четвертая интерпретация – которая поддерживается в данной статье – рассматривает неолиберализм не как неизбежный этап капитализма, а как проект, переплетающийся с накоплением финансового капитала, в который вовлечен широкий спектр политических сил. В рамках этого подхода разворачиваются серьезные дебаты о природе этих сил и их перспективах. По мере падения правительств, старые политические партии ведут борьбу с учетом новых обстоятельств. Новые политические проекты – от «Оссиру» до «Uncut» – развиваются вне государственных структур, новые политические партии и коалиции создаются с целью оспорить государственную монополию на власть. Особое значение при этом придается гендерным аспектам в оспариваемых сферах и политических повестках дня.

> Экономия - это феминистский вопрос

В последние десятилетия во многих европейских (и других) странах наблюдается повышенное внимание к гендерным аспектам политики всеобщего благосостояния в части обеспечения образования, здравоохранения и ухода, а также регулирования занятости и ее соотношении с заботой и неоплачиваемым домашним трудом (care-work). Такое внимание часто являлось результатом работы феминистских и лейбористских проектов, которые были сложным образом и фрагментарно интегрированы в социал-демократических и социалистических политических программах. Появление гендерной проблематики в государственных программах и социальных формациях происходило одновременно с возникновением неолиберального проекта по приватизации и дерегулированию. Динамика гендера и класса зачастую расходятся: трудящиеся женщины стали

принимать более активное участие в работе институтов гражданского общества и политических институтов, в то время как некоторые социал-демократические институты, такие как профсоюзы, снизили свою активность. В условиях финансового кризиса эти достижения гендерной социал-демократии оказались под угрозой со стороны неолиберального проекта.

Налоги – это феминистский вопрос. Анализ технологии гендерного бюджетирования, примененной для изменений национальных бюджетов, демонстрирует, что попытки сократить дефицит сказались по-разному на разных слоях населения, повлияв в особенности на положение женщин. Библиотека Палаты общин сообщает, что по планам британского бюджета на 2010 год, из £ 8.1 млрд. подоходного налога £ 5.8 млрд. (72%) должны были заплатить женщины и £ 2,2 млрд. (28%) – мужчины. В то время как налоги (которые в большей степени выплачиваются мужчинами) увеличились незначительно, выплаты на социальные и коммунальные нужды (которые в большей степени используются женщинами) были резко сокращены. Заккрытие оффшорных зон или введение налогов на финансовые операции (продвигаемые в качестве программы действий в ЕС лидерами Франции и Германии и получающие отпор в Лондоне) – это программы гендерной политики.

Еще один пример касается сокращения национальных бюджетов Великобритании в части предоставления услуг местными службами соцобеспечения, такими как приюты для бедных и убежища для мигрантов, консультации для рабочих, центры помощи женщинам, пострадавшим от насилия. Развитие этого сектора стало гендерным ответом социал-демократической политики на насилие и предполагало расширение социальных программ помощи женщинам, ставшим жертвами этого насилия (а не привычное ужесточение мер в отношении их обидчиков, например, увеличение тюремных сроков). В небольшом исследовательском проекте, посвященном изучению обеспечения «свободы информации», при содействии НКО и профсоюзов были собраны данные о трудностях, связанных с сокращением финансирования. Сокращения в национальных бюджетах

на 1% в год оказывает значительное влияние на социальные программы на локальном уровне, так как они приводят к сокращению на 31% расходов на услуги по профилактике насилия в отношении женщин. Отчасти это происходит потому, что эти программы менее защищены законом, чем другие, более привычные.

> Различные реакции

Реструктуризация экономики и общества в Великобритании и в других странах вызвала разнообразную реакцию, различающуюся по странам и приведшую к различным эффектам. Один из способов помыслить эти различия – сопоставить мобилизации, порожденные гражданским обществом и ориентированные на государство. Самым известным случаем мобилизации гражданского общества является движение «Оссиру», развернувшееся во многих европейских и североамериканских городах. Однако этот пример далеко не единственный. Например, в Великобритании проходят акции протеста против уклонения от уплаты налогов корпорациями, координируемые объединением «Uncut». В ряде европейских стран, включая Францию (Левая партия), Германию (Die Linke) и Исландию, возникли новые политические партии, а ряд коалиций и правительств сложили свои полномочия. Такие примеры мобилизации левых идей, как правило, включают и сильный феминистский компонент. По крайней мере, в европейском контексте, пожалуй, будет ошибкой противопоставлять тех, кто вне государства, и тех, кто внутри него, так как эти формы политического развития находятся в тесном взаимодействии. Там, где происходила серьезная разработка левых и феминистских идей – например, в Исландии, – там же отмечается меньшая концентрация негативных последствий финансового кризиса и переход к большей демократии.

Финансовый кризис еще не закончился. Попытки реструктуризации производят разнообразные эффекты, зависящие не в последнюю очередь от разных типов политической мобилизации. И касается эти эффекты затрагивают не только капиталистическую систему, но и различные формы гендерных режимов. Рано подводить итоги: борьба продолжается. ■

> Украинский феминизм в действии

Тамара Марценюк, Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Украина

М е ж д у н а р о д н ы й женский день (8 марта) приносит украинским женщинам не только цветы и особое внимание, но и напоминание о правах, за которые они борются уже более века. В прошлом году молодая феминистская инициативная группа «Феміністична офензива» предложила новые способы отметить 8 марта: провела семинар феминистского искусства,

феминистскую международную конференцию и феминистский марш.

«Феміністична офензива» (<http://ofenziva.wordpress.com>) является независимой общественной инициативной группой, которая борется против разных проявлений патриархатных форм власти (сексизма, гомофобии, трансфобии, эйджизма, расизма и шовинизма)

Активисты «Феміністичної офензивы» принимают участие в демонстрации 1 мая (2012 года) в Киеве. На плакатах написано: «Рабочий день женщины: 46 часов: 8 – работа, 4 – кухня, 24 – ребёнок»; «Нет насилию, нет сексуальным домогательствам»; «Свободу Наде Толокно» (арестованной активистке из группы Pussy Riot, российского феминистского панк-рок-коллектива). Фото «Офензивы».

>>

и выступает за экономические и репродуктивные права женщин. Группа выступает за изменение существующих дискриминационных социальных и законодательных практик и создание пространства критических гендерных исследований и независимого политического активизма. Кроме того группа активно занимается разработкой феминистских идей и распространением эмансипационного феминистского знания, а также продвижением не-сексистского языка общения.

В трехдневной международной конференции «Feminism – Assemblage Point» (имеется в виду и место общего сбора, и политическая солидарность), проведенной группой «Феміністична офензива» 5-7 марта 2012 года, приняли участие ученые и активисты из Украины, России, Польши, Сербии, Финляндии, Франции и США. Участники секции «Феминистский политический перформанс» обменялись опытом организации низовых инициатив, направленных против нарушения прав женщин. Феминистская активистская группа «La Barbe» (по-русски «борода»), прицепив накладные бороды, штурмует залы заседаний, форумы и выставки, подчеркивая тем самым отсутствие женщин в органах власти. «АСТ Women» (Сербия) организует уличные выступления, привлекая внимание к различным формам насилия в отношении женщин (насилие в семье, убийства женщин, изнасилования, изнуряющая двойная работа и пр.). Российская феминистская панк-группа «Pussy Riot» не смогла принять участие в конференции, потому что ее члены были арестованы за выступление на алтаре «Храма Христа Спасителя» в Москве. Организаторы конференции также планировали пригласить знаменитую украинскую активистскую группу «FEMEN»

(которые протестуют топлесс), но, к сожалению, «FEMEN» решили, что выехать за рубеж (в Турцию) со своим «голым» выступлением важнее, чем бороться за права женщин в Украине.

В ходе конференции мы обсуждали религиозное и ультраправое наступление на права женщин в Украине, Польше и России. Так, польский антрополог Агата Чельстовска (Chełstowska) исследовала дискуссию об абортах и, в частности, то, как спекуляции на эту тему используются политическими партиями в переговорах между Польшей и западным миром (особенно Европейским союзом), несмотря на реальные последствия для репродуктивных прав женщин и их здоровье. Леся Пагулич и Галина Ярманова проанализировали дискурс фундаменталистских религиозных групп, которые за последние пять лет стали чрезвычайно активно выступать против аборт, искусственного оплодотворения и гомосексуальности в Украине.

Теме сотрудничества церкви и государства в их нападках на права женщин была посвящена феминистская демонстрация, посвященная Дню 8 марта. Двести человек прошли под лозунгами «Церкви и государству пора жить раздельно!», «Налог на бездетность – налог на бедность!» (недавно на рассмотрение Верховной Раде был предложен законопроект, предполагающий увеличение налогового бремени на людей старше 30 лет, не имеющих детей). Остались актуальными и транспаранты прошлого года: «Меньше кухни – больше книг!», «Даешь семейную инфраструктуру!», «Семья – место любви!» и т. д. Украинские феминистки также потребовали освобождения членов российской группы «Pussy Riot», которые

содержатся под стражей за антиклерикальный протест.

Феминистский марш выступил против ожидаемых нападков на репродуктивные права женщин, таких, как, например, законопроект, предложенный 12 марта 2012 года Верховной Раде (парламенту Украины) депутатом Андреем Шкилем, предлагающий запретить искусственное прерывание беременности (аборт). В соответствии с действующим законодательством, женщина может сделать аборт, если срок беременности не превышает 12 недель. Парламентские выборы пройдут осенью, поэтому политики пытаются использовать «горячие» вопросы демографии и сексуальной морали, для политической борьбы.

В ответ на попытки религиозных и политических деятелей атаковать репродуктивные права женщин, женские НКО написали коллективное письмо Президенту Украины, главе украинского парламента и другим политикам, предупреждая о последствиях криминализации абортов. 27 марта активистки женских организаций собрали пресс-конференцию «Убийства женщин в Украине: какие опасности несет криминализация абортов?». Они призвали депутатов проголосовать против дискриминационного законопроекта, который нарушает репродуктивные права женщин и подвергает их здоровью опасности. В качестве заключения необходимо отметить, что в течение последних двух лет феминизм как активистская и интеллектуальная деятельность, наконец, появился в публичном пространстве Украины. Скоро настанет тот самый момент, когда низовые инициативы составят серьезный противовес наступлению на права женщин. ■

> Нарастающее чувство незащищённости в Латинской Америке

Габриэль Кесслер, Национальный университет Ла-Плата, Аргентина

На постере изображен флаг Аргентины с лозунгом “Требуем безопасности!”. Акция протеста против преступности в Буэнос-Айресе в 2009 году.

Озабоченность уровнем преступности распространилась по всей Латинской Америке. И это не удивительно, учитывая, что на этот регион, в котором проживает только 14% от населения всего мира, приходится около 40% всех убийств с применением огнестрельного оружия. Страх перед преступностью является очень высоким даже в странах, где отмечается относительно низкий уровень преступности (Аргентина, Коста-Рика, Чили и Уругвай). Сочетая количественные и качественные методы исследования, я изучал «чувство незащищенности» в Аргентине и провел сравнительный анализ полученных

данных с данными в других странах региона. Рост страха перед преступностью оказывает особое влияние на социальное воображаемое и социальные практики людей. Широко распространенное мнение о том, что в настоящее время проблема безопасности имеет мощное общественное звучание и качественно отличается от ситуации в прошлом, вызывает ряд вопросов о ее причинах, личных рисках и принятии необходимых решений. Ответы на эти вопросы составляют часть социологического подхода к решению проблем безопасности. Такой подход объясняет логику эмоций в отношении незащищенности, а также

>>

проецируется на сферу реальной политики безопасности, которую мы называем менеджментом безопасности. Распространение беспокойства противоречит результатам исследований более раннего периода, когда общество было менее тревожным. С одной стороны, такие выводы бросают вызов классической идее о связи между страхом и авторитаризмом. С другой стороны, парадокс чувства незащищенности – загадка о том, почему группы, подверженные меньшему риску, одновременно более боязливы, – также подвергается сомнению.

Уже первые исследования, проведенные в Соединенных Штатах в 1960-х годах, показали, что страх перед преступностью относительно независим от реального уровня преступлений. Он имеет тенденцию расти вместе с виктимизацией, но после его закрепления в качестве социальной проблемы страх уже не уменьшается, даже если уровень преступности снижается. Обычно страх перед преступностью понимается как эмоциональная реакция на страх или тревогу перед преступлениями или перед теми символами, которые люди связывают с преступностью. Мы предпочитаем использовать понятие «чувство незащищенности», поскольку оно включает в себя другие подходящие эмоции наравне со страхом – такие, как гнев, негодование и беспомощность, – а также затрагивает политические проблемы, причины появления этого чувства и действия, составляющие суть менеджмента незащищенности.

Итак, что же такое незащищенность, по словам аргентинских информантов? Незащищенность и нарушение закона не обязательно имеют прямую зависимость. Отличительной особенностью незащищенности является случайный характер опасности. Незащищенность представляется в виде угрозы (собственности и в особенности человеку), которая может коснуться каждого. Один из ее аспектов – перемещение опасности: не существует четкого разделения между зонами опасности и безопасности. Другим примером является относительная дезидентификация образов страха: угроза не исходит больше исключительно от наиболее стигматизированных образов (таких, как молодые люди из маргинальных групп), напротив, происходит рост недоверия по отношению к любому человеку. Эта множественность образов и опасных мест усиливает чувство случайной и вездесущей угрозы.

Исследования по этой теме призваны ответить на ряд вопросов и разрешить серию парадоксов. Почему незащищенность больше ощущается среди групп, которые являются наименее виктимизированными, например, среди женщин и пожилых людей? Какова связь между страхом и принадлежностью к социальному классу? Я анализировал эти парадоксы на аргентинском материале, используя методологию триангуляции качественных и количественных методов. Количественные данные не показали существенного различия между классами, но качественные данные доказывают, что социальная дистанция и близость (*distance and proximity*) являются важными дифференцирующими осями. Низшие классы ощущают физическую и социальную близость к угрозе, в то время как средний и высший классы социально и физически дистанцированы от криминала. Категория близости влияет и на политическое видение угрозы, которое в целом конструируется по принципу «снизу-вверх». В кварталах, где проживают низшие классы, идут локальные обсуждения конкретных случаев преступлений, и дискуссия разворачивается в самом сообществе. В районах проживания средних и высших классов, физическое дистанцирование от проблемы способствует развитию взгляда на нее «сверху вниз», когда объяснения

преступности ищутся в социальных и политических процессах и не связаны с личным опытом обсуждающих. Тем не менее, близость к проблеме не подразумевает большей эмпатии к преступникам, так же как и дистанцирование от нее не предполагает предложения более карательных решений проблемы. Близость может вести и к моральному осуждению, потому что, несмотря на тяжелые социальные условия, в которых находятся все вокруг, «мои дети не крадут», или же, напротив, преступники, которые являются членами семьи информантов, могут быть оправданы на том основании, что «в глубине души они неплохие ребята». Дистанцирование, как правило, соотносится с апелляцией к структурным причинам преступности, но для него также свойственна крайне реакционная позиция, рассматривающая преступность как «современную форму партизанской войны». Таким образом, предложение карательных мер для искоренения преступности не является делом одного конкретного социального класса – это тема, активно обсуждаемая в регионе.

Главный парадокс чувства незащищенности касается гендера. Данные исследований свидетельствуют о наличии большего страха среди женщин, и общие дискуссии также подчеркивают это обстоятельство. Однако когда незащищенность растет, гендерных различий в «правилах выражения чувств» становится меньше. Для мужчин становится оправданно чувствовать и выражать страх. В целом, триангуляция количественных опросов и качественных интервью показывает, что те же субъекты, которые в опросах заявили, что они не испытывают страха, в интервью приходят к выводу, что у них есть «рациональный» страх, возникающий в определенных ситуациях.

Когда чувство страха является атрибутом меньшинства, оно напрямую связано с авторитарными установками. В настоящее время в регионе активно обсуждается вопрос о том, сопровождается ли рост чувства незащищенности ростом требований ужесточения наказания. В целом, совладание с незащищенностью зависит от существующей политической идеологии, но чувство незащищенности может также способствовать эрозии демократических принципов. В рассказах о незащищенности можно заметить так называемые «карательные поползновения» – переход от более мягкой позиции к поддержке более жестких, и даже самых экстремальных, мер борьбы с преступностью. В настоящее время социальный кризис все реже рассматривается как легитимная причина роста незащищенности. В предшествующее десятилетие массовая преступность объяснялась конвенционально как негативное последствие неолиберальных реформ. Однако, в настоящее время, после нескольких лет экономического роста, снижения показателей бедности и уровня неравенства, уровень преступности практически не снизился, что ставит перед исследователями Латинской Америки задачу найти более тонкое объяснение распространения карательных дискурсов. Как и в других контекстах, дискурсы о наказании уходят от поисков структурных причин, и переключаются на приписывание вины субъектам.

Мы осветили лишь некоторые вопросы, возникающие при анализе чувства незащищенности. Ответы, которые могут предложить исследователи, и форма, в которой мы можем представить эти ответы обществу, во многом будут зависеть от качества демократических режимов тех обществ, в которых мы живем. ■

¹ Kessler, G. (2009) *El sentimiento de inseguridad – Sociología del temor al delito* [The Feeling of Insecurity: Sociology of the Fear of Crime]. Buenos Aires: Siglo XXI Editores.

> Темнокожий средний класс в Колумбии: социальный оксюморон?

by Mara Viveros Vigoya, National University of Colombia, Bogotá, Colombia

Многочисленные исследования показали, что среди всех групп Колумбии население африканского происхождения имеет самый низкий уровень дохода и уровень жизни, самые высокие показатели использования детского наемного труда, самый низкий уровень социальной защищенности, а также является самым демографически уязвимым (Urrea et al., 2004). Более того, живучесть расизма в Колумбии подтверждается низким числом темнокожих мужчин (и еще меньшим числом – женщин), занимающих ведущие позиции в структурах гражданского общества, государственных и частных компаний, вкупе со слабой позитивной представленностью темнокожих граждан в средствах массовой информации и недостатком их символических репрезентаций в публичном пространстве. В этом контексте имеет ли смысл исследовать тех немногих темнокожих, опыт которых опровергает эти представления?

Мы считаем, что в таком контексте, как Колумбия, подобное исследование поможет выявить траектории социального продвижения

афро-колумбийцев, особенно принимая во внимание тот факт, что эти процессы крайне мало исследованы и обычно исключены из официальных свидетельств национальной истории. Таким образом, траектории социальной мобильности предлагают возможные альтернативные, контрастирующие со стереотипичными, репрезентации этой части колумбийского населения.

Благодаря исследованию нам стали известны некоторые новые данные об этой категории колумбийских граждан, включая то, как в конструировании субъектности темнокожих граждан Колумбии сказываются и взаимопересекаются такие характеристики, как гендер, раса и класс. Здесь я представлю только некоторые результаты проведенного нами масштабного исследования (Viveros and Gil, 2010).

> Кому удаётся подняться?

В XX веке, в процессе накопления экономического капитала в сельских областях и развития горнодобывающей отрасли, и в большой степени благодаря ставшему более доступным высшему образованию, в разных

регионах страны образовался «темнокожий средний класс».

На основании анализа социальных траекторий трех поколений – представителей среднего класса, их родителей и родителей родителей – мы выделили две основные группы по типу социальной мобильности: тех, кто воспроизводит социальную позицию старших поколений, и тех, кто социально вырос по сравнению с ними. Во второй группе мы также выделили разные темпы мобильности – некоторые улучшают свое социальное положение постепенно, некоторые более резко. Согласно нашим результатам, женщинам более свойственно воспроизводить траектории старшего поколения – иными словами, женщин отличает меньшая степень восходящей социальной мобильности. Социально мобильные женщины – это, чаще всего, дочери профессионалов или людей, по меньшей мере, со средним уровнем образования. В противоположность этому, среди мужчин с высокой степенью мобильности больше сыновей или внуков людей с невысоким уровнем или совсем без образования. Принимая во внимание, что большинство бабушек и дедушек обоего пола вообще не учились в школе, можно заключить, что точка

смены образовательных траекторий лежит между поколениями дедушек и родителей.

> Место гендера в социальном росте афро-колумбийцев

Помимо растущего дохода, социальная мобильность предполагает принятие «классового хабитуса», который, указывая на первый взгляд только на различия в социальном и культурном капитале, также гендерно и расово окрашен. Средний класс определяется не только через оппозицию к широким (низшим) классам, но и в отношении ко многим конституирующим элементами гегемонных гендерных идентичностей. В этом смысле, для темнокожих мужчин и женщин восходящая мобильность предполагает соблюдение доминантных гендерных ролей и принятие определенных ценностей и моделей поведения, которые делают женщину или мужчину «уважаемым» в колумбийском обществе – а именно тех, которые обычно приписываются белым или метисам. Непрерывный опыт самосовершенствования превращает афро-колумбийцев в дисциплинированных, здравомыслящих и серьезных субъектов, ведущих себя таким образом как на работе, так и дома.

Как показали интервью, для женщин это означает быть хорошими матерями и примерными женами, трезвыми и благоразумными во всем, начиная с интонаций речи и жестов до социального поведения, и конструировать свой личный имидж по образу и подобию представления о женственности, ценимого в высших социальных классах. Стремясь к респектабельности, эти женщины сознательно создавали десексуализированный образ еще в раннем возрасте или

при вступлении в брак, отсекая гипотетически возможные обвинения в распутности или «двойной морали».

Для мужчин принятие доминирующих норм означало быть ответственным работником и хорошо обеспечивать семью, быть умеренным в выражениях вкуса, отказываться от поступков, ставящих под вопрос их зрелость и выказывать джентельменские манеры в общественных местах – все эти маркеры являются средствами размежевания с «вульгарностью» и «распутностью», приписываемых темнокожим мужчинам низших классов.

> Индивидуальное, а не коллективное социальное продвижение

В Колумбии восходящая мобильность темнокожих является индивидуальным процессом, в отличие, например, от групповой мобильности, наблюдаемой среди чернокожего населения в Соединенных Штатах (Frazier, 1975). В Колумбии, где число темнокожих представителей среднего класса невелико, его члены не рассчитывают на групповую поддержку ни для развития своего успеха, ни для распространения своих достижений на более широкую группу, за пределы нуклеарных семей и родственников. Проанализированные нами пути восходящей социальной мобильности подтверждают эту ситуацию: темнокожие, достигшие успеха, опираются на довольно разнородные личные и семейные истории, позволившие им попасть в пространство среднего класса. Тем не менее, эти люди не сделали успехов ни в продвижении своей этнической и расовой группы как таковой, ни в изменении ее негативного имиджа. В то же время, существование некоторого

Теперь мы знаем, каким образом пересекаются класс, гендер и раса

числа темнокожих представителей среднего класса в Колумбии, хотя бы незначительного, доказывает, что «раса» не всегда конституируется одинаково и что невозможно рассматривать чернокожих колумбийцев как однородную социальную категорию, не принимая во внимание классовую и гендерную принадлежность.

Вопрос о социальной мобильности приобретает особое значение в поиске решений проблем социальной маргинализации и расовой дискриминации, испытываемых афро-колумбийским населением. Пути восходящей мобильности темнокожего населения Колумбии, для которых фактически нет никаких социальных условий, являются исключением из этого правила. Анализ процессов восходящей мобильности темнокожих привлекает внимание к существованию и сохранению расовых предрассудков и сложности этого опыта, а также указывает на ограничения подходов, предполагающих, что чернокожие средние классы как таковые станут авангардом в решении проблем социальной маргинальности темнокожих в Колумбии. ■

Литература

Frazier, F. (1975) *Black Bourgeoisie: The Rise of a New Middle Class in the United States*. London: Collier Macmillan Publishers.

Urrea, F., Ramirez, H. F., and Viáfara, C. (2004) "Socio-Demographic Profiles of the Afro-Colombian Population in Regional Urban Contexts of the Country in the Early Twentieth Century." In M. Pardo et al. (Eds.), *Pan-Afro Social Studies in the Pacific*. Bogotá: ICANH, National University of Colombia: 213-269.

Viveros, M. and Gil Hernández, F. (2010) "Gender and Generation in Black People's Experiences of Social Advancement in Bogotá." *Maguaré* 24: 99-130.

> Принципиально иная точка зрения на состояние российской социологии

Н.В.Романовский, профессор, Ж.Т.Тощенко, член-корреспондент РАН

Известные российские социологи, Владимир Ядов (слева) и Никита Покровский (справа) на собрании Общества профессиональных социологов в Москве, 6 июня, 2008 г.

Написать эти заметки нас побудило выступление в Global Dialogue В. Вахштейна (v.2, № 3, 2012). Полагаем, что его оценка современной российской социологии дается потому, что автор ограничился методологическими вопросами. Возможно, В. Вахштейн обвиняет оппонентов в общих словах главным образом потому, что не занимается эмпирическими исследованиями, практически не имеет дела с социологами в регионах страны, не знает их проблем. Не оспаривая права на авторское восприятие, мы абсолютно не согласны с такой оценкой российской социологии и хотим дать свое понимание ее проблем.

Как редакторы научного журнала «Социологические исследования» (его, по признанию В.Вахштейна, читают 66% социологов России) мы погружены в поток исследований социологов Москвы, С-Петербурга, большинства городов страны. Там трудятся тысячи наших коллег, не без труда и не без ошибок добываясь результатов.

> Что же на самом деле происходит в российской социологии?

Во-первых, идет неоднозначное и неординарное, нередко новаторское осмысление кардинальных сдвигов в стране. Научной общественности известны работы В.А. Ядова: на основе эмпирических исследований он предложил новаторскую трактовку изменений в сознании и поведении работников производства. Профессор, член Исполкома МСА Н.Е. Покровский исследует процессы в сельской жизни на севере Европейской части России. Доктор социологических наук В.К. Левашов в рамках концепции устойчивого развития, на основе 20-летнего мониторинга зафиксировал принципиально новые тенденции в развитии российского общества. Исследование одного из авторов этих строк Тощенко о парадоксальном человеке заслужило высокую оценку П.Штомпки, З.Баумана, Т.И.Заславской.

Во-вторых, расширяется тематика исследований. Ранее не изучалась, например, проблема креативности в российском обществе (ростовский социолог Ю.Г.Волков), аргументировал возможность нейро-социологии нижегородский исследователь А.В.Шкурко, отражающий новые горизонты взаимодействия естественных и социальных наук. О специфике социальной стратификации в современной России, предполагающей морфологический (доход, образование, власть) и дискурсивно-символический (престиж, значимость, статус) писал профессор О.А. Кармадонов (Иркутск), что позволило ему вскрыть особенности ряда процессов в российском обществе.

В-третьих, углубляются исследовательские практики: соединение нового прочтения известных понятий (например, *res publica*) с решением таких проблем

российских городов, как рациональное использование социальной инфраструктуры осуществлено группой молодых исследователей во главе с О. Хархординим (Европейский университет. С-Петербург).

В-четвертых, интенсивно осмысливаются новые реалии постсоветской России. Появились совершенно новые исследовательские поля – например, социальные проблемы рынка успешно анализируются профессором В.В. Радаевым (Высшая школа экономики); его публикации широко известны не только в нашей стране.

И, наконец: практически каждый университет России ведет совместные исследования с коллегами из университетов Западной Европы, США, Индии, Китая, Японии, других азиатских стран. Тут даже не нужны примеры – эти контакты стали повседневной практикой, которая взаимно обогащает участников выполнения совместных проектов.

То, что в российской социологии имеются интересные исследования и заслуживающие внимания результаты можно убедиться в регулярных изданиях издательства «M.E. Sharpe» в систематических выпусках журналов “Sociological Research” и “Society and Education”, которые построены на российских социологических публикациях. В России издается около 30 социологических журналов – академических, университетских, автономных, которые представляют возможности делиться результатами своих исследователей. В большинстве авторов обеспечивается возможность полемизировать, выбирать или сомневаться.

> Каковы проблемы российской социологии?

Было бы странным, если бы их не было. Но часто недостатки являются продолжением достоинств. В России более 300 кафедр социологии, в 110 университетах ведется подготовка социологов. Можно этим гордиться. Но интенсивный (последние 20 лет) рост структур подготовки будущих специалистов имеет существенные недостатки. Качество подготовки в ряде университетов желает быть лучшим – во многом из-за того, что преподавательский состав рекрутировался из других наук; типичны неофиты, лишь осваивающие ремесло социолога.

Да, данные социологов стали неотъемлемой частью информационного пространства: в России нет практически журналов, газет, электронных СМИ, которые бы не использовали социологические данные. Но это достижение порождает манипуляции в корыстных групповых или корпоративных целях: замалчивание данных в интересах собственников СМИ. Появились лица, называющие себя социологами, особенно активные в период избирательных компаний разного уровня – от федерального до местного. Они

подрываются на так называемое социологическое сопровождение избирательных компаний, помогают проводить в депутаты тех, кто платит им деньги.

Противоположностью таких «рыночных» устремлений является попытка ограничиться (и тут прав В. Вахштейн) «социологией социологии». Конечно, разобраться в сущности проблем науки, в ее методологии и методах необходимо. Но как самоцель, это путь к изоляции социологии от общества и, в конечном счете, превращение в науку, не нужную обществу. Но если наш оппонент считает, что этим в основном и заняты российские социологи, то это не так: библиометрические замеры показывают, что более 80% работ российских социологов посвящены экономике, труду, городам, сельской жизни, молодежи и образованию, девиантному поведению, религии, власти и т.д.

> Что плохого в сближении представлений о происходящем в обществе?

Вахштейн негодует по поводу того, что произошла конвергенция нео- и антисоветского языка в социологии: одни придерживаются «заблуждений», архаики и примитива, другие предали идеалы либерализма, чего придерживались почти 20 постсоветских лет. На наш взгляд, удивляться этому не надо. «Традиционники» пришли к выводу, что реальность страны требует новых методов и средств исследования действительности. Социологи, державшиеся либеральных взглядов, видят, что их ожидания не оправдались, Россия пошла по другому пути, а заимствованные рецепты изменения экономической и социальной жизни не оправдали себя. Группы, противостоявшие друг другу еще 10 лет назад, не могли не подойти к сближению их взглядов и выводов. И не потому, что им так хочется, а потому, что анализ общественной (экономической, социальной, политической) реальности приводит к схожим результатам. И хотя противостояние еще не преодолено, социологическое сообщество, на наш взгляд, постепенно обретает установку, что сопоставление, обсуждение и сравнение идей, построенных на анализе действительности, плодотворнее и надежнее; особенно если заботится о науке, а не о групповых интересах.

В заключение о приеме полемики, с которым нельзя согласиться. Высказывания и мнения отдельных лиц и свою личную В. Вахштейн пытается трактовать, как позицию социологической общественности России. Характерно, что в его заметке не приведено ни одной фамилии, сражается автор с не называемыми оппонентами. Но это один из приемов полемики, которые являются наследием из отвергаемого им времени. ■

> Британская социология в эпоху экономического сдерживания

Джон Д. Бруэр, Абердинский университет, Шотландия, президент Британской социологической ассоциации в 2010-2012 гг.

Британская социологическая ассоциация (БСА) в 2011 году отпраздновала шестнадцатый день рождения. При составе чуть более чем в 2 500 членов она довольно мала в глобальном контексте, но в своих масштабах она растёт и укрепляется. В настоящее время численный состав БСА включает самое большое количество членов в истории нашей организации, налицо также другие признаки благополучия ассоциации. Сейчас мы выпускаем четыре журнала, у нас больше исследовательских секций, чем было когда-либо, больше офисных и административных сотрудников, а две последних наших ежегодных конференции превзошли по масштабам все предыдущие. В этом году мы организовали более 50 мероприятий. И всё это, естественно, происходило в стране, которая приобрела печальную славу из-за маркетизации высшего образования, прекращения государственного финансирования университетов и введения оплаты за обучение, в стране, которая переживает времена разрушительных ограничений доступа к высшему образованию. Это не простое совпадение: политика сдерживания – не пустой звук для британской социологии.

Темой конференции 2012 года, проходившей в Лидсе, была социология в эпоху сдерживания. Это была наша самая большая конференция, проходившая за пределами Лондона. Мой трёхлетний срок на посту президента БСА подходит к концу, и на этой конференции я произнёс речь об общественном значении социологии во времена сдерживания. В других пленарных докладах Майкл Буравой и Зигмунт Бауман рассуждали о вкладе социологии в осмысление

социополитических последствий экономического кризиса. Стивен Экройд и Розмари Бэтт напрямую обращались к природе этого кризиса, явившегося результатом финансиализации экономики США и Великобритании. В нашей конференции участвовали представители 24 зарубежных стран, было представлено 622 доклада, и ещё 62 попали в список ожидания.

Политика сдерживания – не пустой звук для британской социологии

Политика сдерживания оказала несомненное влияние на социологию как университетскую дисциплину в Британии. Существует риск, что некоторые факультеты закроются или сократятся в размерах, и есть опасения, что абитуриенты подадут меньше заявлений, так как количество студенческих заявлений в принципе уменьшается под влиянием роста цен на образование, или же сделают выбор в пользу специальностей с более ясными карьерными перспективами. Например, прекращается преподавание социологии в Стратклайдском университете, и многие факультеты сообщают о падении количества студенческих заявлений, иногда вполне значительном. С другой стороны, некоторые факультеты процветают и сообщают, напротив, об (иногда резком) росте количества абитуриентов. Некоторые факультеты дают объявления о поиске кандидатов на постоянные позиции. Возможно, ещё слишком рано говорить о том, какое влияние политика сдерживания окажут на положение социологии в Британии,

хотя БСА бдительно наблюдает за ситуацией.

Эффект, который подобные экономические меры произвели собственно на социологическую дисциплину, однако, является совершенно другой темой для разговора, и здесь ситуация более понятна. Наша конференция 2012 года выявила два позитивных последствия. Политика сокращений активизировала классовый анализ в британской социологии, а также социологию труда и производства, восстановив состояние баланса после «культурного поворота» предшествующего периода, а также обновила связи учёных с БСА. Здесь мне хотелось бы сосредоточиться подробнее на этом последнем обстоятельстве. Поскольку социологическая дисциплина фрагментирована как по предмету, так и по административному критерию, поскольку ее преподают в междисциплинарных учебных заведениях, социологи используют БСА как средство для поддержания своей профессиональной идентичности. В результате ликвидации социологического факультета как монодисциплинарной институции преподаватели и исследователи рассеялись по разнообразным неразличаемым административным единицам, часто в небольших количествах. Они относятся к БСА практически как к функциональному эквиваленту прежней факультетской структуры, где исследовательские секции заменяют факультетский семинар, а сама Ассоциация является локусом профессиональной идентичности. Следующий избранный президент БСА, Джон Холмвуд, провозгласил в качестве основной задачи своей деятельности в этой должности – утверждение необходимости социологии – и БСА хороший пример этой необходимости. ■

> Конгресс в Йокогаме: мост к более равноправному миру

Коичи Хасегава, Университет Тохоку, Сендай, Председатель локального организационного комитета Международного конгресса МСА в 2014 в Йокогаме, Япония

Йокогама, Мост через Залив и Плавучий Пирс, вид с пр. Конгресса.

В мае прошлого года, под чутким руководством Судзиро Язавы, президента Японского социологического общества, социологи Страны восходящего солнца создали исследовательскую сеть, в настоящее время насчитывающую более 150 членов, для обмена информацией о цунами, произошедших 11 марта 2011 года. Катастрофические

землетрясения, цунами и аварии на АЭС создали для социологов большое поле деятельности, которая касалась, в том числе, координации опросов в почти каждом пострадавшем регионе.

> Вопросы для социологов

Какова роль социологии и задачи, стоящие перед социологами, в условиях столь страшной катастрофы? Как мы должны

проводить исследования в этой очень сложной ситуации? Как мы можем создать конструктивный диалог с беженцами из зоны бедствия? Чем социологи могут им помочь? В настоящий момент 360 000 человек по-прежнему не могут вернуться в свои дома. Большинство из них проживают в стесненных условиях во временных укрытиях. В Фукусиму не могут вернуться 150 000 человек ввиду прямых указаний правительства или по собственным мотивам.

Мы рассматриваем много социологических проблем на микро-, мезо- и макро-уровнях. Эти проблемы включают: переосмысление отношений между наукой, технологией и политикой; вопросы городского планирования при воссоздании кварталов; восстановление сельского хозяйства, фермерства и рыболовства; создание рабочих мест и т.д. НКО проводят работу по уходу за пожилыми людьми, детьми, инвалидами и мигрантами, они работают с семьями пострадавших и вынужденных переселенцев, которые потеряли родных, друзей, дома и рабочие места. Возникают проблемы злоупотребления алкоголем и насилия в семье, что ставит гендерную проблематику в центр внимания исследователей. Иными словами, мы наблюдаем за множеством социальных драм и их действующими лицами.

> Женское антиядерное движение «Оссиру» в Японии

Многих из нас беспокоит нынешнее состояние

поврежденных ядерных реакторов на Фукусиме. Ситуация остается стабильной. За пределами 30-километровой зоны отчуждения и особых точек уровень излучения абсолютно безопасен, например, в Токио, Йокогаме и в том регионе, где я живу - Сендае. Куда бы я ни пошел, я беру с собой дозиметр, чтобы постоянно проверять уровень радиации. После аварии я опубликовал новую научно-популярную книгу «На пути к пост-ядерному обществу» (Toward a Post-Nuclear Society).

Женщины в Фукусиме и за её пределами открыто критикуют электро-энергетическую компанию и правительство страны за их вклад в то, что случилось. Они требуют защиты своих детей и семей, полную компенсацию потерь и проведения обеззараживания пострадавших районов. Массовые митинги, публичные выступления и учебные собрания проводятся практически каждые выходные. С середины сентября, взяв на вооружение тактику движения «Оссиру» в США, женщины Фукусимы занимают пространство Министерства экономики и промышленности, которое несет ответственность за аварию. Женщины отказываются уходить, а полиция и правительство не применяют против них силу, опасаясь общественных волнений в случае ее применения.

> Объединяя разделённый мир

После катастрофы 3/11, в городе Йокогама был проведен анализ исторических записей о цунами, случившихся до открытия порта. В результате были пересмотрены

нормы безопасности, составленные на основе данных о небольшом цунами, произошедшем 300 лет назад. Локальный организационный комитет в Японии сотрудничает с Исполнительным комитетом МСА и Японским социологическим обществом, чтобы планируемый Конгресс прошел на самом высоком уровне. Наша цель – привлечь более 5000 делегатов, как произошло в Гетеборге в 2010 году. Мы приглашаем социологов в Йокогаму, чтобы увидеть возрожденное и окрепшее японское общество.

Из окон конгресс-центра «Pacifico Yokohama» открывается вид на доминанту района, красивейший мост «Yokohama Bay Bridge». Как писал немецкий социолог Георг Зиммель, мосты – это визуальное выражение нашего стремления к связям. Я считаю, что наша социологическая работа связывает воедино Восток и Запад, Юг и Север, прошлое и будущее, женщин и мужчин, природу и общество, другими словами, мы преодолеваем социальные различия для построения равенства в мире. Йокогама ждет Вас, пора навести мосты! ■

> Итальянские университеты выставлены на продажу

Лаура Корради, Калабрийский университет, Италия

“Итальянский университет находится на грани вымирания. Это состояние болезни и растущей маргинализации, которую не сравнить ни с чем в нашей современной истории. Экономические ресурсы, необходимые для институционального функционирования одного из древнейших научных сообществ в мире, резко уменьшились ещё задолго до того, как проявился нынешний глобальный кризис, даже несмотря на то что итальянский университет в принципе имел скромное финансирование по сравнению с другими индустриализованными странами. Гуманитарные науки и большая часть социальных наук систематически наделялись меньшими привилегиями по сравнению с другими науками, которые считались более полезными для экономического роста и рынка. Эта тенденция связывает нас с Европой и другими странами. От университетских курсов требуется

полезность в контексте рыночной стоимости: в другом случае они не могут быть предложены, так как являются экономически неустойчивыми”. Это цитата из предисловия к документу под названием *L'Università che vogliamo* («Университет, который нам нужен»), составленному двумя итальянскими профессорами, Пьеро Бевилакквой и Анджело Д'Орси. Под этим документом поставили электронные подписи сотни итальянских профессоров, исследователей и *precari* (представителей прекариата, то есть работников интеллектуального труда, не имеющие постоянного контракта, занятых в основном на временных постдокторских должностях).

В 2010 году в итальянских университетах насчитывалось 126 188 *precari*, занимавших разные должности: из них 41 349 профессоров с контрактом; 24 934 магистра-стажёра; 23 996 тьюторов; 17 942 ассистентов исследователя. Всего в 2010 году

“Я - дух прекариата” – символы прекариата, нового поднимающегося опасного класса современного общества.

оказалось на 22 000 меньше *precari*, чем в 2008⁴, что указывает на тенденцию отчуждения от итальянского университета и разрушению аффилиации с ним. Университет воспринимается многими как тупик, будущее которого – не что иное, как прогрессивная приватизация.

Известные факты коррупции в университетах, столь же несомненные, сколь постыдные, были использованы в качестве аргумента для критики и обвинений в адрес всей государственной системы высшего образования, в результате чего были приняты печально известные законы и введены новые правила. Последним из этих нововведений стала печально известная реформа Джельмини, названная в честь своей изобретательницы,

>>

министра науки и образования правительства Берлускони.

Реформа появилась в контексте убийственных сокращений бюджета и болезненно стагнации карьерного роста представителей научного сообщества. Она предоставляет всю власть ректорам и контрактным профессорам со стажем (full professors), уничтожая такие демократические органы, как преподавательский совет (где до этого года все преподаватели и исследователи получали право голоса в принятии решений), и уменьшая роль Академического сената.

Ещё один сокрушительный удар по итальянской университетской системе нанесло продвижение *in itinere* – закона, отменяющего юридическую силу государственных степеней, заставляющего студентов отказываться от взаимодействия с этой системой; при этом речь идет о студентах, уже страдающих от неслыханного роста платы за образование. Если закон будет одобрен парламентом, то научные степени, полученные в серьезных, конкурсных, производящих отбор государственных учреждениях, не будут отличаться от полученных в частных, виртуальных, специальных (*ad hoc*) учебных заведениях.

Ранее, студенческие движения 1968–1977 годов возглавлялись, как правило, студентами, живущими за пределами кампусов или совмещающими обучение с оплачиваемой занятостью, и были направлены на удовлетворение их потребностей. Однако, во второй фазе протеста, в 1990-е годы, студенческое движение *La Pantera* («Пантера») начало подвергать критике приватизацию университетов, а также образовательной системы в целом, борясь против превращения производства знаний во вспомогательное средство для жизни в мире бизнеса. Новые социальные движения стали появляться после так называемой реформы Берлингера, принятой «прогрессивными» властями в 2000 году. Эта реформа повысила уровень финансовой автономности университетов, уменьшив объём государственной поддержки высшего образования и научно-исследовательских институтов и таким образом вынудив университеты вступить во взаимозависимую связь с миром бизнеса. Реформа Берлингера послужила завязкой для последующего десятилетия борьбы, которое началось с *La Sapienza* – захвата протестующими Римского университета в 2001 году,

показавшего, что неолиберальная политика осталась прежней, несмотря на смену политического курса правительства. Приватизация государственных университетов с равной безотлагательностью проводилась разными типами правительств – и левосторонними, и правосторонними. Сокращения бюджета привели к деградации студенческих служб, уменьшению числа и размера грантов, стипендий и других форм финансовой поддержки, и к взлёту цен на образование. Всё это стало причиной студенческих протестов и беспорядков, а также привело к расцвету коллективных форм организации. В 2008 году доценты, профессора и исследователи, не занимающиеся преподавательской деятельностью, мобилизовались в широкое движение *L'Onda* («Волна»). В конечном счёте, движение вызвало к проблемам внештатных интеллектуальных работников университетов: *precari* (прекариат) – низкооплачиваемой рабочей силы на рынке преподавательского труда, тех, кого мы называем *lumpen-ricercari* (люмпен-прекариат) – лаборантов, лекторов, переводчиков, доцентов, ассистентов, сегодня представляющих собой новый социальный субъект и новые формы коллективного действия.

Многие сегодня предсказывают наступление «второго 1968 года», имея в виду успешное массовое движение. Вместо этого может случиться так, что университетские протесты естественным образом подключатся к другим социальным движениям против кризиса: к движениям безработных, людей, потерявших рабочие места, *indignados* – тех, кто говорит «нет» неолиберализму и его рецептам

“Сегодня наше будущее, жизнь не ждет!” – один из основных лозунгов университетского прекариата.

приватизации и искусственного роста. Подобная перспектива объединения вокруг различных вопросов, имеющих корни в одной и той же проблеме, подкрепляется инициативой множества студентов, работников, исследователей и преподавателей в рамках большого движения прекариата, особенно после национальной демонстрации 30 марта (2012 года), прошедшей в Риме, и международной массовой политической акции во Франкфурте (16-19 мая).

Свежую информацию о протестах можно получить на сайте <http://www.ateneinrivolta.org/> («Восставшие университеты»). Здесь вы можете получить доступ к документам, планам, отчётам о встречах, видеороликам и другой информации. Сайт уделяет большое внимание гендерным вопросам, так как существует карьерная дискриминация женщин внутри университетов; женщины недостаточно представлены как на академических позициях, так и на высоких уровнях администрации. Решение властей о сокращении бюджета на 20 млн евро – это в первую очередь удар по положению женщин, которые составляют большую часть работников, находящихся в нестабильном положении (*precarious workers*). В частности, реформа наносит ущерб южным университетам и маргинализированным субъектам, таким, как ЛГБТ-меньшинства.

¹ Francesca Ruocco, “Il lavoro precario in Università” Pp.56-61 in *Inchiesta* n. 174, ottobre-dicembre 2011. Bari: Edizioni Dedalo.

Преступность и уголовное правосудие

Розмари Барберет, Колледж Уголовного правосудия Института Джона Джея

В прошлом апреле я посетила 21ю сессию Комиссии Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (КППУП) в качестве представителя Международной Социологической Ассоциации (МСА), обладающей консультативным статусом как неправительственная организация. Я участвую в работе Комиссии в течение последних десяти лет. Я считаю, что существует выраженная потребность в социологическом сопровождении деятельности. И социология, и криминология могут многое предложить КППУП.

Комиссия ООН – вспомогательный орган Экономического и социального совета (ЭКОСОС). ЭКОСОС создал комиссию в 1992 году. Приоритетными заявленными направлениями ее деятельности являются следующие:

- Международное сотрудничество по борьбе с национальной и транснациональной преступностью (в том числе организованной преступностью, экономическими преступлениями, отмыванием денег), и содействие повышению роли уголовного законодательства по защите окружающей среды.
- Предупреждение преступности в городских поселениях, среди несовершеннолетних, а также преступлений, связанных с насилием.
- Повышение эффективности, честности, а также улучшение управления и администрации систем уголовного наказания.

Комиссия развивает, отслеживает и оценивает выполнение Программы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию и обеспечивает координацию ее деятельности. Она также предоставляет действительное и организационное направление Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который проводится каждые 5 лет. Комиссия действует в качестве административного

совета Фонда ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, фонда ООН, предоставляющего ресурсы для продвижения технической помощи в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, проводимой Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). В комиссию входят представители 40 государств-членов, по одному из каждой страны. Они выбираются советом и их срок службы составляет 3 года.

Работа комиссии поддерживается сетью программ ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, состоящей из ряда межрегиональных, региональных и государственных институтов, занятых реализацией программы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. (Например, Государственный Институт Правосудия в США участвует в работе сети программ ООН).

Каждая сессия посвящена особой тематике. В этом году в фокусе внимания была тема: «Насилие над мигрантами, рабочими-мигрантами и их семьями». Эта тема соответствует одному из пунктов «Сальвадорской декларации» 2010 года, принятой на Конгрессе ООН, посвященном предупреждению преступности по предложению Турции. В этом году данная тема очень своевременна: широко известными стали массовые случаи вымогательства со стороны полицейских у мигрантов, выходцев из Центральной Америки, похищения людей наркогангстерами в Мексике, а также смерти мигрантов в пустыне Аризона. На последних выборах во Франции Марин ле Пен представила анти-иммигрантскую платформу. Беженцы из стран, охваченных восстаниями Арабской весны, наводнили соседние государства Ближнего Востока и Северной Африки. Тема комплексна и перекрестна, так как она относится к работе Комиссии по преступности, связанной с незаконным ввозом мигрантов и торговлей мигрантами, а также к работе по правам человека, проводимой другими органами ООН. Однако хотя Комиссия по предупреждению преступности связывает незаконный

ввоз мигрантов с насилием над ними, Франсуа Крепо, специальный докладчик по правам мигрантов, напомнил комиссии, о парадоксальных ситуациях, когда незаконный ввоз мигрантов спасает жизни этих людей, а не приводит к жестокости по отношению к ним. Он напомнил слушателям о том, что в фильме «Касабланка» речь идет о шайке, занимавшейся контрабандой людей, и о том, как фильм способствовал созданию крайне положительного мнения о контрабанде людей из тех стран, где им грозит гибель.

Но какова роль во всем этом социологии? Роль МСА на мероприятиях ООН состоит в том, чтобы наблюдать, предоставлять отзывы председателю и Исполнительному комитету и, если возможно, снабжать делегации исследовательской информацией. Несмотря на то, что Комиссия по предупреждению преступности и УНП ООН утверждают, что их решения основаны на научных эмпирических данных, за последние годы подкрепление представляемых результатов исследовательскими данными, предоставляемыми УНП ООН и Сетью Программ, сократилось.

В течение последних трех лет МСА предоставляет обзор литературы комиссии ООН по преступности по теме сессии. Члены МСА должны осознавать, что подавляющее большинство их работ в академических журналах не достигает широкой аудитории. Следовательно, важнейшее значение должно быть придано тому, чтобы сделать наши исследования доступными для чтения и понимания широкой публики. Обзор исследований ставит перед собой целью объективно представить резюме мировой литературы по основной теме сессии (в широком смысле этого слова), иллюстрируя ее примерами социологических исследований со всего света и уделяя особое внимание существующим пробелам в знаниях.

Что мешает тому, чтобы сделать социологические исследования доступными для этой аудитории? ООН очень тщательно регулирует распространение информации от НКО к государствам-членам. НКО могут

представлять краткие отчеты, а также распространять информационные листки, предварительно одобренные секретариатом. Они также могут непосредственно обращаться к государствам-членам и предоставлять информацию в устной форме. Однако ООН не считается организацией, прозрачной в процессе принятия решений. Хотя резолюции и обсуждаются в течение недели Комиссией по предупреждению преступности и в Комитете полного состава, большая часть переговоров проводится в неформальных сессиях, закрытых для НКО. Учитывая то, что состав делегаций меняется каждый год и что у НКО нет доступа к списку адресов членов делегаций, им трудно распространять имеющуюся у них информацию. Многие делегации также весьма сдержанно относятся к тому, чтобы вообще читать отчеты и публикации некоммерческих организаций.

Деятельность большинства НКО, обладающих консультативным статусом в ООН, основана на лоббировании узких тем и вопросов, и заключается в отстаивании определенной позиции. Они не являются научными, профессиональными ассоциациями, в отличие от МСА. Таким образом, государства-члены ООН настороженно относятся к НКО. Более того, без диалога, ценность распространяемой информации оказывается в зависимости от доброй воли получателей информации. И хотя мы распространили наш информационный бюллетень в этом году на английском и французском языках, было бы полезно перевести ее и на другие языки ООН.

Комиссия по предупреждению преступности – главный орган ООН, создающий международные стандарты и нормы для институтов уголовного правосудия, и она дает возможность государствам-членам договариваться о политике по предупреждению преступности. Оказание влияния на работу комиссии при помощи социологических исследований может значительно способствовать результативности ее деятельности. ■

> Хотели бы вы редактировать электронный журнал *eSymposium*?

Дженнифер Платт, Университет Сассекса, Великобритания. Вице-президент Международной Социологической ассоциации по вопросам публикаций, 2010-2014

Многие члены МСА знают, что с 2005 года Винета Синха была редактором одного из доступных нашим членам изданий, электронного журнала, который изначально назывался ISA E-Bulletin (Электронный бюллетень МСА), и недавно был переименован в ISA eSymposium (Электронный симпозиум МСА). Эта перемена обозначила переход к электронному присутствию на сайте, что обеспечивает лучшее взаимодействие с читателями, а также дает возможность опубликовать «ненаписанный» видео- и аудиоматериал, такой как интересное фотоэссе Захира Бабера «Окунай Торонто!» в последнем номере.

Теперь, после того как новая система налажена с помощью Винеты, выступившей в роли высоко профессионального редактора-основателя, пришло время сменить ее на этой должности. В журнале публикуется широкий спектр интересных материалов, и, очевидно, что в будущем их будет еще больше. Возможно, именно Вы хотели бы взять на себя ответственность по размещению (нахождению) и редактированию текстов? Или Вы знаете того, кто отлично справится с этой работой? Мы принимаем заявления на позицию редактора, открытую с июля 2013 года. Пожалуйста, [посетите сайт МСА](#) для получения инструкций о процедуре подачи документов.

> Пустыня Аризоны

– смертельная ловушка для мигрантов

Эминэ Фидан Эджиоглу, Университет Калифорнии, Беркли

Как только я услышала щелчок камеры, я резко отвернулась, борясь с приступом тошноты. Смерд от разлагающихся человеческих тел преследовал меня весь день. Изображение, снятое мной – фото холодильного устройства в Офисе Судебной Медицины в Тусоне (штат Аризона). В белых сумках хранилось несколько десятков человеческих останков, принадлежащих незарегистрированным мигрантам – мужчинам, женщинам, детям – погибшим в «убивающей пустыне» Южной Аризоны при попытках попасть в США.

Фотография запечатлевает интеракцию штата с «нежеланным» населением, в жизни и смерти. Систематическая милитаризация границы, начиная с поздних 90х, перенаправила незарегистрированных мигрантов вдали от городской черты в такие изолированные, негостеприимные территории как Аризонская пустыня. В то же время их присутствие в США считается нелегитимным, а их каждодневная жизнь находится под опасностью депортации и разделения семей.

Но если мигранты умирают, штат разрешает им «остаться» в США. Их тела транспортируются агентами пограничного патруля на полноприводных фургонах в офис судебной медицины. Там их личные вещи тщательно прочесываются на наличие идентифицирующих

деталей, их мумифицированная кожа подвергается осмотру инфракрасными сканерами в поисках татуировок, их зубные структуры и кости анализируются на предмет наличия имплантатов и других отличительных черт. Любая информация проверяется в иностранных консульствах и гуманитарных организациях, с которыми могут связаться семьи, потерявшие родных. В то же время останки маркируются такими анонимными именами как «Джон Доу» или «Джейн Доу» или же «Джон/Джейн Доу» - в тех случаях, когда останки так измельчаются пустыней,

что невозможно определить пол – и сохраняются в холодильнике. Штат оплачивает их транспортировку, обработку и в итоге, если останки не идентифицируются, захоронение погребальной компанией, с которой заключен контракт, на принадлежащей муниципалитету части кладбища. Во что штат не вкладывает средства – так это в предотвращение этих смертей как таковых. ■